

*III. Первые распространители русского раскола и меры против них
Православной Церкви*

Русский раскол старообрядства, появившийся при патриархе Никоне, при нем же, пока он еще правил Церковью, совсем было прекратился: из пяти первых лиц, восставших против Никона и начатого им исправления церковных обрядов и книг, трое уже скончались (епископ Коломенский Павел и протопопы Логгин и Даниил), четвертый находился в заточении в глубине Сибири (протопоп Аввакум), а в Москве или неподалеку от нее оставался только один, бывший протопоп московского Казанского собора Иван Неронов, теперь чернец Григорий. Но и этот один, правда стоявший во главе всех их, успевший показать себя, особенно по своему железному характеру, достойным противником Никона и уже имевший у себя множество тайных последователей, наконец раскаялся, покорился власти Восточных патриархов, принял их учение о троеперстии для крестного знамения и в январе 1657 г. воссоединен был с православною Церковью самим патриархом Никоном. С своей стороны Никон сделал Неронову снисхождение: дозволил ему отправлять службы по старым Служебникам, а не по новым и даже сказал, что все равно, по тем или другим службы будут совершаться. И Неронов начал писать письма к прежним своим последователям, извещал о своем присоединении к Церкви, осуждал прежнее свое противление ей, хвалил троеперстие и книгу "Скрижаль", изданную Никоном. Так продолжалось полтора года, и если бы еще так продолжалось несколько лет, если бы и всем желающим, как Неронову, дозволено было Никоном держаться старых книг под условием покорности Церкви и только не порицать новых, то можно было бы надеяться, что мало-помалу вместо появившегося было раскола у нас возникнет и утвердится при разности в обрядах так называемое ныне единоверие. Но Никон пал, хотя и добровольно, и его падение было оживлением и восстанием для умиравшего раскола.

Чернец Григорий Неронов снова стал во главе расколоучителей, и деятельность его тем была опаснее, что по видимости он оставался в единении с православною Церковью, употреблял троеперстие в крестном знамении, открыто не хулил новых книг, хотя держался только старых. Считаясь православным, он смело приходил из своей Игнатиевой пустыни, находившейся в Вологодском уезде, в Вологду и Москву, где у него было множество знакомых, благосклонно был принимаем самим государем, пользовался милостями от всех архиереев, бывал "в их общем совете" и даже "в соборном сидении", как сам свидетельствует. А между тем тайно писал против новоисправленных книг и написал десять тетрадей "о Святом истинном Дусе", стараясь доказать, будто неправильно в новоисправленном Символе опущено слово "истиннаго" о Святом Духе. Держал у себя в пустыне своего единомышленника и ученика бывшего златоустовского игумена Феоктиста,

помогал ему в качестве руководителя собрать из разных книг "моление о согласии церковном, и о исправлении книжном, и о Святом и Животворящем Дусе и Господе истинном, и о сложении перстов крестнаго знаменья, и о Божественней аллилуйе", и это моление, или челобитную, в защиту раскола подал потом государю. Написал и подал государю еще две челобитные: одну в 1659 г., а другую в 1661 г., в которых хотя главным образом просил о поставлении нового патриарха на место Никона, но вместе изливал свою злобу на Никона, называя его "вне ума сущим, пагубником, не человеком, но зверем", и говорил, что если нужно созвать Собор, то для рассуждения "о прелестном его мудровании и о исправлении церковном, а не о нем самом, уже самоосужденном" и что с того времени, как он начал править по-своему книги, "тысящи тысяч душ христианских сомнения ради церковных вещей чужды общения Пречистых Таин". Привлекал в свою Игнatieву пустынь, в которой жильцов было более двухсот и все службы совершались по старопечатным книгам, из Вологды и окрестных сел множество людей всякого пола и возраста, мужей и жен во все воскресные и праздничные дни, привлекал преимущественно своими проповедями и поучениями, которые предлагал не только в церкви, но и вне церкви; обходил окрестные веси, совершал в них, когда случались праздники, всенощные бдения по старопечатным книгам и "тамо немало народа обрати в свет благоразумия учением своим", т. е. обратил от православия к расколу. Так продолжалось почти до конца 1664 г., пока на кафедру Вологодскую не был посвящен (23 октября) новый архиепископ Симон. Этот архиепископ, лишь только старец Григорий Неронов явился к нему принять благословение, прямо приказал старцу, чтобы "он во всем последовал св. соборной, апостольской Церкви и никакого б раздору и расколу у него не было". Старец ударил челом о дозволении ему служить по старым Службеникам, как служил доселе, архиепископ донес об этом митрополитам: Ростовскому Ионе, блюстителю патриаршего престола, и Крутицкому Павлу. Когда же Неронов и пред ними начал повторять свою просьбу о старых Службениках, то Симон объявил, что "у него, старца Григория, на Вологде многой раскол и раздор", и просил дать указ, чтобы впредь у него расколу и раздору не было. Неронов старался повредить своему архиепископу и сначала распространял клеветы на него, как и на Ростовского митрополита Иону, будто оба они берут с ставленников непомерные пошлины, а в следующем 1665 г. послал даже донос государю на Симона, якобы он приказал совсем вынести из алтаря икону Пресвятой Богородицы, стоявшую за престолом, не чтит святителя Николая Чудотворца и не велит праздновать в честь его праздников и пр. Новый блюститель патриаршей кафедры, митрополит Павел Крутицкий, которому государь поручил рассмотреть эти изветы, сделав допрос Неронову (24 августа), препроводил его в распоряжение самого архиепископа Симона в Вологду. Здесь спустя несколько времени Неронов донес архиепископу, что поп Сысой, сосланный в Вологду из Москвы за участие в известных сношениях боярина Зюзина с патриархом Никоном, изрек в народе хульные слова на Господа Иисуса Христа. Архиепископ, выслушав донос, сказал только: "Тот-де поп пьян врал", а дела не расследовал и не запретил попу священнослужения; напротив, самого доносчика послал под начало в Спасо-Прилуцкий монастырь и велел

держат на цепи в железах за то, что он возмущал народ в Вологде и позволил себе сделать резкие укоризны в лицо своему архиерею. Будучи, впрочем, скоро освобожден из Прилуцкой обители и отпущен в свою Игнатиеву пустынь, старец Григорий написал о богохульстве попа Сысыя к самому государю, по повелению которого дело было расследовано, и поп Сысой заточен в Соловецкий монастырь. Но недолго пришлось теперь Григорию оставаться в своей пустыне. Архиепископ Симон отправил в Москву к архиереям грамоту, что Неронов не перестает смущать народ своим учением, и по указу государя 14 марта 1666 г. старец Григорий сослан был под начало в Иосифов волоколамский монастырь, а вскоре потребован в¹ нию раскола после удаления Никона с патриаршей кафедры еще тем, что, имея свободный доступ к государю и долго пользуясь благорасположением самих архиереев, старался покровительствовать другим расколоучителям.

Очень могло быть, что по ходатайству именно Неронова пред государем возвращен был из Сибири протопоп Аввакум, хотя, как скоро увидим, у него могло найтись немало и других, даже более сильных, ходатаев. Этот протопоп, который скоро превзошел своею слепотою и фанатическою ревностию по вере самого Неронова и сделался действительным главою вновь возникшего у нас раскола, сам написал свою биографию по просьбе отца своего духовного Епифания около 1675 г., весьма любопытную как по содержанию, так особенно по изложению, но не избег в ней, как это большею частию бывает в автобиографиях, пристрастия и самохвальства. Он старается здесь представить себя не только ревнителем истинной веры, но и страдальцем за веру и чудотворцем и видимо преувеличивает и украшает вымыслами свои страдания и свои мнимые чудодейния, как бы хвастается ими. Аввакум родился в Нижегородских пределах, в селе Григорове. Отец его Петр был там священником и "прилежаше пития хмельнаго", а мать Мария, сделавшаяся по смерти мужа инокинею Марфою, была "постница и молитвенница", и всегда учила сына страху Божию, и воспитала его в самом строгом, преимущественно обрядовом, благочестии. Женившись на дочери местного кузнеца Анастасии, Аввакум 21 года поставлен был в диаконы, а 23 лет в попы - вот как тогда исполнялись церковные каноны. И в эти еще молодые свои годы, будучи только сельским священником, он уже обнаружил в словах и действиях тот чрезвычайно дерзкий, задорный, ничем не укротимый характер, которым отличался потом во всю свою жизнь и из-за которого претерпел в продолжение ее столько страданий. Не станем передавать тех почти невероятных случаев, о которых рассказывает он сам в своей биографии, как его били, волочили за ноги в ризах, оставляли едва живым. Заметим только, что попом он был всего восемь лет и в эти восемь лет два раза его выгоняли из прихода. В первый раз напал на него какой-то начальник, избил его, откусил у него персты руки, дважды выстрелил в него и наконец отнял у него двор и все имущество и без куска хлеба выгнал его с семейством из села. Аввакум побрел в Москву к царскому духовнику протопопу Стефану Вонифатьеву и протопопу Ивану Неронову. Они известили о нем царя, который с того времени начал знать Аввакума, но опять послали его с грамотою на прежнее место. Здесь едва он вновь обзавелся, как над ним разразились новые беды, и "помале паки инии изгнаша мя от места того

вдругоряд, - пишет он сам, - аз же сволокся к Москве и Божию волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец Повольский". Аввакуму исполнилось тогда еще только 31 год, и, сделавшись так рано протопопом, начальником целого церковного округа - протопопии, он, верно, захотел показать себя еще более резким и задорным в своих словах и действиях, потому что едва прошло восемь недель, как на него восстал почти весь город. К местному Патриаршему приказу, где заседал Аввакум, занимаясь духовными делами, собралось множество попов, мужиков и баб, человек с тысячу или полторы, вытащили его из приказа, и били среди улицы батожем, и топтали, а бабы были с рычагами. Более всех вопили попы и бабы, которых он унимал от блудной жизни: "Убить вора, да и тело собакам в ров кинем". И действительно, его убили почти до смерти и бросили под угол одной избы. Прибежал городской воевода с пушкарями и, схватив чуть живого протопопа, умчал его на лошади в его дом, а вокруг всего двора поставил пушкарей. На третьи сутки, ночью, Аввакум, покинув в городе свою семью, ушел в Москву и оттуда уже не возвращался на свое место. В Москве он явился к отцу своему духовному, казанскому протопопу Ивану Неронову, остался у него жить и во время его отлучек правил его церковь. Это было уже под конец жизни патриарха Иосифа, когда Никон, митрополит Новгородский, путешествовал в Соловки для перенесения мощей святителя Филиппа. Как потом Никон сделался патриархом, как Неронов и Аввакум с братиею выступили против него, как Аввакум в сентябре 1653 г. осужден был на изгнание в Тобольск, мы уже говорили прежде.

В Тобольск ехал Аввакум с своим семейством около тринадцати недель и, следовательно, мог прибыть или в конце еще того же 1653 г., или в начале следующего. Тобольский архиепископ Симеон, поставленный при патриархе Иосифе и, вероятно, сочувствовавший Аввакуму, дал ему священническое место. Но и в Тобольске Аввакум своим несносным характером скоро успел вооружить против себя многих. Полтора только года он пробыл здесь, и в эти полтора года, как сам говорит, пять раз на него заявлено было пред воеводами государево слово и дело. Об одном из таких случаев рассказывает он сам. Дьяк архиепископского двора Иван Струна за что-то невзлюбил и преследовал дьячка той церкви, в которой служил Аввакум. Однажды, во время отъезда архиепископа в Москву (с 22 января по 14 декабря 1654 г.), когда Аввакум с дьячком своим Антоном отправлял вечерню. Струна вбежал в церковь и схватил Антона на клиросе за бороду. Аввакум тотчас оставил службу, затворил и замкнул двери церкви, чтобы не впустить никого из пришедших с Струною, а самого Струну с помощью дьячка посадил на полу среди церкви и отстегал его ремнем "нарочито". Родственники Струны, также попы и чернецы возмутили весь город, чтобы убить Аввакума, так что он целый месяц бегал от них и скрывался, иногда ночевал в церкви, иногда уходил к воеводе. Когда возвратился архиепископ, Аввакум пожаловался ему и прибавил, что в его отсутствие дьяк Струна не подверг никакому наказанию одного кровосмешника, взяв с него полтину. Владыка велел сковать Струну, но Струна ушел к воеводам в приказ и сказал на Аввакума государево слово и дело. Воеводы отдали Струну на поруки боярскому сыну Бекетову. А владыка по совету Аввакума предал Струну в наступившую (в 1655 г.) неделю православия проклятию. И это

проклятие до того поразило Бекетова, что он вышел из себя и тут же в церкви бранил архиепископа и Аввакума, а на пути в дом свой внезапно скончался. Владыка и Аввакум приказали бросить тело несчастного среди улицы собакам и только через три дня похоронили. Не напрасно столько раз говорили на Аввакума в Тобольске государево слово и дело. "Посем (т. е. после несчастной кончины Бекетова), - рассказывает Аввакум, - указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену везти за сие, что браню от Писания и укоряю ересь Никонову". Из Тобольска выехал Аввакум в Петров день 1655 г. Но едва приехал он в Енисейск, как пришел другой царский указ: енисейскому воеводе Афанасию Пашкову велено было взять с собою шестьсот человек ратников, а с ними в качестве духовника протопопа Аввакума и ехать в отдаленную Даурию, чтобы отыскать там пашенные места со всякими угодами и поставить на тех местах новые остроги. Пашков отправился в 1656 г., и основал в Даурской земле остроги: Нерчинский, Албазинский, Иркутский и другие - и воеводствовал в тех острогах пять лет до 1661 г. Сколько перенес во все это время Аввакум страданий от Пашкова, как мучил, тиранил его Пашков, томил в темнице и оковах, морил голодом и холодом и тяжкими работами, надобно удивляться, если только в рассказе Аввакума нет преувеличений. Пашков был "суров и бесчеловечен человек, - замечает Аввакум, - а с Москвы от Никона приказано было ему мучить меня", но едва ли не сам Аввакум, как можно догадываться из его рассказа, более всего возбуждал против себя Пашкова своими резкими обличениями. Да и сам Аввакум сознается: "Десять лет он меня мучил или я его - не знаю: Бог разберет в день века". В точности не десять, но только пять лет: еще в 1660 г. послан был из Тобольска в Даурию новый воевода боярский сын Иларион Толбузин, с которым, вероятно, и пришла туда царская грамота, чтобы Пашков ехал в Тобольск, а протопоп Аввакум возвратился в Россию. Пашков поехал в 1661 г. с оружием и людьми и не взял с собою Аввакума, рассчитывая, что его, безоружного, на пути убьют дикари-инородцы. А спустя месяц отправился и Аввакум с своим только семейством и немногими престарелыми и ранеными (всего набралось до 17 человек) и после продолжительного и многотрудного пути приблизился наконец к Енисейску. Тут напала на Аввакума тоска и раздумье, и, когда протопопица спросила его о причине тоски, он сказал: "Жена, что мне делать? На дворе еретическая зима: говорить ли мне или молчать? Ты и дети связали меня". На это жена будто бы отвечала: "Я с детьми благословляю тебя, дерзай проповедовать слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи... Силен Христос, и нас не покинут; иди и обличай еретическое заблуждение". Аввакум ударил жене челом и решил продолжить свою борьбу против "никонианской ереси". В Енисейске он прозимовал, потом в Тобольске провел другую зиму и везде, на всем пути до Москвы, по городам и селам, в церквях и на торжищах, проповедовал свое учение против новоисправленных при Никоне книг.

В Москву Аввакум прибыл отнюдь не раньше 1663 г. Здесь "приняли меня, - пишет он сам, - как ангела Божия, государь и бояре; все были мне рады. Зашел я к Федору Ртищеву, он вышел ко мне принять от меня благословение, и начали мы говорить с ним много; три дня и три ночи домой меня не отпустил и потом известил обо мне царю. Государь тотчас велел меня представить,

спрашивал меня о здоровье и дал поцеловать мне свою руку. Приказал поместить меня на монастырском подворье в Кремле и, проходя часто мимо моего двора, низко кланялся мне и говорил: "Благослови меня и помолись о мне". Также и все бояре просили моего благословения и молитв. Давали мне место, где бы я захотел, звали и в царские духовники, чтобы только я соединился с ними в вере, но я все это вменил в уметы, да Христа приобрящу". Аввакум подал царю челобитную, в которой писал: "Государь свет наш! Что я начну говорить тебе, восстав, как от гроба, от своего дальнего заключения? Возвещу ли тебе свое смертоносное житье или скажу тебе свету о церковном раздоре? Я чаял, живя на Востоке среди многих смертей, что здесь, в Москве, тишина, а ныне я увидел Церковь еще больше смущенною, чем прежде. Свет наш государь, благочестивый царь! Златоуст пишет в послании к ефесеям: ничто так не производит раскола в Церквах, как любоначалие между властями, и ничто так не прогневляет Бога, как раздор церковный... Мне кажется, что и сама тварь рыдает, видя Владыку своего в бесчестии, ибо Духа Святого называют *неистинным* в исповедании своей веры, а Христа Сына Божия *не Царем* на небеси (совершенная клевета!). Да и не одно то, государь, но и моровое поветрие немало было для нас знамением от Никоновых затеек, и агарянский меч десять лет стоит беспрестанно с тех пор, как Никон раздрал Церковь. Хорошо было при Стефане протопопе: все было тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и негордого учения; Стефан не губил никого до смерти, как Никон, и не поощрял на убиение. Увы душе моей бедной! Лучше бы мне скончаться в пустыне Даурской среди зверей, нежели слышать ныне, как Христа моего в церквах называют *невоскресшим* (новая клевета!). Знаю, что скорбно тебе, государю, от моей доуки, но не сладко и нам, как ребра наши ломают, и, развязав нас, кнутьем мучат, и томят на морозе голодом. А все ради Церкви Божией страждем". Сказав затем, как убили было его, Аввакума, будто бы ради Церкви Божией, когда он был сельским священником, и разграбили все его имущество, как убили было его, когда он был протопопом в Юрьевце, как мучил его в Москве Никон и томил в Андрониевом монастыре холодом, причем пишу ему, Аввакуму, принес будто бы ангел, как тиранил его в Сибири будто бы за имя Христово в течение одиннадцати лет Пашков, и все это по милости Никона, Аввакум продолжал: "Многие боятся его (Никона), а протопоп Аввакум, уповая на Бога, не боится. Твоя, государь, воля, если опять попустишь ему озлобить меня: я готов и дух свой предать. Но душа моя не хочет принять его новых незаконных законов. Мне было откровение от Бога, что он, Никон, мерзок пред Богом. Погубил он на Руси всех твоих государевых людей душою и телом, и все желающие принять его новые законы будут на Страшном суде слыть *никонианами*, как древние *ариане*. Он, Никон, не исповедует в своих новых законах Христа, во плоти пришедшего (ложь!), не исповедует Христа Царем (ложь!) и Воскресение Его, подобно иудеям, скрывает (ложь!); не называет Духа Святого истинным (ложь!), и сложение креста в перстах разрушает, и истинное метание в поклонах отсекает, и многими ересями людей Божиих и твоих наполнил, и инде в его книгах напечатано: духу лукавому молимся (ложь!). Ох и горе душе моей! Говорить много не смею: тебя бы света не опечалить, а время отложить новые Служебники и все дурные Никоновы

затейки. Потщися, государь, исторгнуть его злое и пагубное учение, пока не пришла на нас конечная пагуба". В заключение Аввакум просил государя спасти душу Пашкова и не мстить ему за все неправды и жестокости, совершенные им на воеводстве в Даурии, и приложил записку об этих неправдах и жестокостях. В этой первой своей челобитной из числа дошедших до нас Аввакум уже довольно ясно показал себя и те приемы, какими он действовал на народ. Себя он изображает страдальцем, даже великим страдальцем, и именно за Христа, за веру и Церковь. Из-за них будто бы он подвергался смерти еще сельским священником и потом в другой раз протопопом. Из-за них терпел мучения от Никона, хотя, как известно, от Никона он был судим и наказан за составление "самочинного сборища". Из-за них особенно перенес множество страшных мук от Пашкова, хотя сам же свидетельствует о Пашкове, что он мучил людей по одной своей жестокости: "Суров человек, беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет... ей, государь, не помнит Бога; или поп, наш брат, или инок - *всех равно губит* и мучит, огнем жжет и погубляет... живучи в Даурской земле, переморил больше пятисот человек голодною смертью". Этими своими страданиями за веру, которые в разных своих сочинениях изображал различно, как хотел, не боясь обличений, и, без сомнения, преувеличивал - так некоторые представляются невероятными - Аввакум любил хвалиться и во все последующее время. Вместе с тем он выдает уже себя в апологии каким-то избранником Божиим: Бог удостоил его откровения о Никоне; ангел Божий приносил ему, Аввакуму, пищу в темнице. В последующее время об этой близости своей к Богу, о своих видениях, знамениях и чудесах Аввакум говорил еще более и нимало не стеснялся. Как же не верить было такому страдальцу за веру, такому провидцу и чудотворцу? А Никона как он изображает в челобитной? Никон - он-то и есть мучитель, виновник всех страданий Аввакума за веру, особенно в Даурии. Никон - величайший еретик: он не исповедует Христа, во плоти пришедшего, не признает Его Царем на небеси и воскресшим из мертвых, не исповедует Духа Святого истинным и наполнил свои новые книги многими другими ересями. Как же не удаляться от такого еретика, как не отвергать его книг? Народ не требовал от Аввакума доказательств, но верил ему на слово. А надобно заметить, что словом, как видно уже и из этой апологии, Аввакум владел в высокой степени, и словом ясным, выразительным, безыскусственным, народным. В этом отношении он превосходил Никона, который писал обыкновенно книжным языком, искусственно, растянуто и не всегда удобопонятно. Речь Аввакума, даже в сочинениях его, представляется как бы выхваченной из живого говора народного и тем более и сильнее могла действовать на народные массы. Не говорим здесь о других качествах Аввакума, с которыми познакомимся впоследствии.

"Когда увидели, - продолжает рассказ Аввакум о своем пребывании в Москве, - что я не соглашаюсь с ними (а увидеть это было легко из его челобитной, нами рассмотренной), то государь приказал Родиону Стрешневу уговаривать меня, чтоб я по крайней мере молчал. И я потешил его: чаял помаленьку исправиться. Сулили мне, что на Семеонов день (1 сентября) сяду на Печатном дворе книги править, и я был сильно рад: мне-то было бы лучше и духовничества. Пожаловал мне царь прислал десять рублей денег, столько же

прислала царица, по стольку же прислали царский духовник Лукиан и Родион Стрешнев, а старый наш дружище Федор Ртищев - тот и шестьдесят рублей велел своему казначею сунуть мне, про других же нечего и сказывать - всяк тащил и нес всячиною. У Федосьи Прокопьевны Морозовой жил я, не выходя со двора: она дочь моя духовная, как и сестра ее, княгиня Евдокия Прокопьевна Урусова. И у Анны Петровны Милославской всегда же в доме были, а к Федору Ртищеву браниться с отступниками ходил..." Весьма важным обстоятельством для Аввакума служило то, что он сделался духовником Федосьи Прокопьевны Морозовой и совершенно покорил ее своей воле и своим убеждениям. Это была одна из самых знатных боярынь и как по отцу, так и по мужу из самых близких к царскому двору. Отец ее окольный Прокопий Федорович Соковнин приходился в родстве царице Марье Ильинишне Милославской, а муж - Глеб Иванович Морозов был родным братом знаменитого дядьки и свояка царского Бориса Ивановича Морозова, женатого на родной сестре той же царицы. Через Морозову, вращавшуюся вблизи царицы, Аввакум мог оказывать влияние на всех окружавших царицу и на самую царицу, которая, как увидим, действительно и стояла за Аввакума. Вместе с тем Морозова, обладавшая огромным богатством, имела множество родных и знакомых в Москве и могла поддерживать лжеучение Аввакума в высшем московском обществе. Когда Аввакум возвратился из Сибири, Морозова была уже вдовицею (с 1662 г.) и дом ее обратился как бы в монастырь, в котором она постоянно содержала пятерицу инокинь и давала пристанище всякого рода странникам. Все эти лица, особенно инокини, подобно Морозовой, питывались учением Аввакума, которое и разносили повсюду, куда ни ходили. В том же доме всегда находили себе приют три юродивых: Феодор, Киприан и Афанасий, духовные дети и преданные ученики Аввакума. Пользуясь большим уважением в народе, они свободно бродили по улицам и площадям города и распространяли убеждения своего наставника и его ненависть к новоисправленным книгам. Наконец, у Морозовой, как увидим, искали себе поддержки и покровительства и другие расколоучители. С полгода Аввакум, если верить его свидетельству, молчал, исполняя желание государя, т. е. сам открыто будто бы не проповедовал и не беспокоил государя своими письмами. Но видя, "яко церковное ничтоже успеает, но паче молва бывает, паки заворчал" и написал новую челобитную к царю, "чтоб он старое благочестие взыскал, и мати нашу общую, св. Церковь, от ересей оборонил, и на престол патриаршеский пастыря православного учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика". В челобитной Аввакум прямо даже рекомендовал государю достойных кандидатов для замещения не занятых тогда архиерейских кафедр, а их было в 1664 г. до пяти, и именно: иеромонаха Бизюкова монастыря Сергия Салтыкова, саввинского архимандрита Никанора и других, ярых раскольников. Эту свою челобитную, к сожалению не дошедшую до нас, Аввакум послал к царю с юродивым Федором, сыном своим духовным. Федор, увидев царя, ехавшего в карете, смело подступил к нему; царь взял юродивого с собою, довез до Красного крыльца и взял от него письмо, не зная, от кого оно. Когда же прочитал, "с тех мест, - говорит Аввакум, - на меня кручиновать стал: нелюбо стало, как опять я стал говорить, любо им, как молчу, да мне так не сошлось". Долго ли еще после этого царь терпел Аввакума

в Москве, последний не определяет, но сознается: "Раби Христовы многие приходили ко мне и, узревши истину, не стали к прелестной их службе ходить", а для этого требовалось немало времени. В частности, известно, что Аввакум тогда "от церкви Софии, Премудрости Божией, что за Московую-рекою в Садовниках, прихожан учением своим отлучил многих". Вследствие этого власти духовные восстали на Аввакума и решили вновь сослать его из Москвы в заточение.

И от царя чрез боярина Петра Михайловича Салтыкова был Аввакуму выговор: "Власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять". И 29 августа 1664 г. повезли Аввакума с его семейством на Мезень. Пред отъездом из Москвы Аввакум подал государю записку, в которой, высказав свои догадки, за что он подвергся царскому гневу, за свою ли челобитную о замещении архиерейских кафедр достойными кандидатами или за свои укоризны Рязанскому архиепископу Илариону, вздумавшему учиться греческим "буквам и нравам" у греческого архимандрита Дионисия святогорца, изложил про этого архимандрита гнусную клевету и просил царя озаботиться о новом освящении соборной церкви, чего архиереи (без сомнения, не верившие гнусной клевете) будто бы по нерадению не хотели сделать. Доехав до Холмогор, Аввакум послал оттуда новую челобитную, которую государь получил 21 ноября. Замечательно, что в начале этой челобитной, как и в начале недавно поданной царю записки, Аввакум выражался о себе: "Богомolec твой, в Даурех мученный протопоп". Из Холмогор Аввакум уже с великим смирением взывал: "Прогневал, грешный, благоутробие твое от болезни сердца неудержанием моим, а иное тебе, свету государю, и солгали на меня; помилуй, равноапостольный, ребятишек ради моих умилосердися ко мне. С великою нужею довололся до Колмогор, а в Пустозерский острог до Христова Рождества невозможно стало ехать, потому что путь нужной, на оленях ездят. И смущаюся, грешник, чтобы ребятишки на пути не примерли с нужи... Пожалуй меня, богомольца твоего, хотя zde на Колмогорах изволь мне быть... Умилися к страньству моему, помилуй изнемогшаго в настех и всячески уже сокрушенна, болезнь бо чад моих на всяк час слезы душу мою исполняет. И в Даурской стране у меня два сына от нужи умерли. Царь государь, смилуйся". А 6 декабря подал государю челобитную о помиловании Аввакума и старец Григорий Неронов. Он утверждал, что Аввакума оклеветали власти, гневаясь на него за его писание к царю о кандидатах на архиерейские вакансии - Сергии Салтыкове, Никаноре и др., и составили ложь, будто он, протопопок, ходя по улицам и стогнам городским, развращал народ и учил не ходить к церквам Божиим. Напротив, он по приказанию государя молчал, ожидая Собора, и по улицам нигде не учил. Только с архиепископом Иларионом и царским духовником наедине говорил о сложении перстов, и о трегубой аллилуйе, и о прочих догматах, преданных в Стоглаве, да еще говорил в дому окольного Ф. М. Ртищева, и только. Потому старец Григорий со слезами умолял государя пощадить протопопа Аввакума, "гонимого из младенчества правости ради души и по Церкви Господней бесчисленные беды претерпевшего", возвратить его из изгнания и позволить ему жить в Игнатиевой пустыне вместе с ним, старцем Григорием, чтобы оплакивать свои грехи. Между единомышленниками

Аввакума распространен был слух, будто сам государь приказал Неронову написать челобитную об освобождении Аввакума. Но трудно поверить этому слуху: если бы царь хотел, то и без челобитной Неронова нашел бы возможность облегчить участь Аввакума; между тем и после челобитной Неронова Аввакум остался в ссылке. Более месяца прожил он в Холмогорах, затем был перевезен в Мезень. Из Мезени он писал бывшему златоустовскому игумену Феокисту и всей братии: "Согрешил я, протопоп Аввакум, пред Богом и пред вами и повредил истине - простите меня, безумного и безрассудного, имеющего ревность Божию не по разуму. Вы говорите, что причиняется вред истине и лучше бы мне умереть в Даурии, а не приходиться к вам в Москву. Но я, отче, живу не моею волею, а Божиею, и если я в Москве расшевелил гной и раздражил еретиков своим приездом, то в Москву я приехал прошлого году не самозван, а призван благочестивым царем и привезен по грамотам. Не кручиньтесь на меня Господа ради, что из-за моего приезда страждете... Я поехал от вас из Москвы опять по городам и весям промышлять словесные рыбы, а вы там бегайте от никониан... Я жду на Мезени письма вашего до весны... Про все пиши, а про житие старца (Григория Неронова) мне не пиши, не досаждай мне им: не могут уши мои слышать о нем хульных речей даже от ангела. Уж, верно, ради грехов моих в сложении перстов малодушествует..." На Мезени Аввакум прожил более года и распространял оттуда свое лжеучение чрез письма. Письма эти до нас не дошли, но о чем писал в них Аввакум и вообще о чем писал он со времени своего освобождения из Сибири даже до Собора, на который он привезен был из Мезени в Москву 1 марта 1666 г., - это кратко обозначено в записке, составленной на Соборе или тотчас после Собора. В ней читаем: "Аввакум протопоп после освобождения из Сибири писал о Символе, о сложении перстов в крестном знамении, о поклонах и о пр., что будто бы неправо напечатано в новоисправленных печатных книгах. Да он же в своих письмах писал, что на Москве во многих церквах Божиих поют песни, а не Божественное пение, по-латыни; законы и уставы у них латинские, руками машут, главами кивают, ногами топают, как это обыкновенно бывает у латынян под звуки органов. На справщиков книжного Печатного двора и на священников московских церквей написал, что они пожирают стадо Христово злым учением и нелепо носят отступнические образы, а не природные наши словенского языка, что они не чада Церкви, но дьявола, вновь родились от Никонова учения, потому что не веруют во Христа вочеловечившегося и исповедуют его невоскресшим и несовершенным Царем на небеси со Отцом, а Духа Святого называют неистинным. Именуется их отщепенцами и униатами, потому что они ходят в рогах вместо обыкновенных словенских скуфей, и не велит православным христианам причащаться Св. Тайн у тех священников, которые Божественную литургию служат по новоисправленным Служебникам".

Третьим и последним из прежних расколоучителей, появившихся еще во дни управления патриарха Никона Церковию и теперь по оставлении им кафедры вновь начавших свою деятельность, следует назвать бывшего игумена московского Златоуста монастыря Феокиста. Он не имел такого значения, как Аввакум или Неронов, а считался только учеником последнего, и вовсе не известно, чтобы Феокист, подобно Неронову и Аввакуму, распространял

раскол живым словом, устною проповедью, но и он немало послужил расколу своими писаниями. Еще в то время, когда Неронов был сослан в Спасо-Каменную обитель, Феоктист находился при нем и с его слов писал его письма к царю и царскому духовнику Стефану Вонифатьеву, а одно, о жизни Неронова в этой обители, по его поручению написал к царскому духовнику и от себя. По оставлении же Никоном кафедры Феоктист, проживая в Игнатиевой пустыне у старца Григория Неронова, собрал, как мы уже упоминали, под его руководством из разных книг в защиту раскола какое-то "моление", или челобитную, которую Неронов и поднес государю. Кроме Игнатиевой пустыни Феоктист проживал то в Переславле Залесском, в Никольском монастыре, в котором принял пострижение, то в Москве, у Вятского епископа Александра, и здесь списывал разные сочинения, направленные против Никона и исправленных им книг. Неизвестно, где и когда составил Феоктист и собственные сочинения об антихристе, челобитную государю и записку о жизни своего наставника Неронова с 1653 по 1659 г., в которых многое мог передать только со слов самого Неронова. В январе 1665 г. Феоктист вместе с родным братом своим, старцем Авраамием, переехал из Никольского переславского монастыря на Вятку, к епископу Александру и прожил у него целый год. Отсюда написал два письма в Москву к боярыне Федосье Морозовой, величал ее "ревнительницею древним равноапостольным женам, страннолюбницею и боголюбницею" и просил ее покровительства и пособия не только себе, но и всей своей "духовной братии", избранным рабам Христовым, особенно же просил покровительства и помощи епископу Александру, столько потерпевшему от Никона и не имевшему на Вятке, чем содержать себя и своих людей; просил также отписать епископу Александру "про страдальца о законах Христовых протопопа Аввакума", послана ли государева грамота, чтоб его возвратить из ссылки по челобитной Неронова. Наконец, в начале 1666 г. государь послал на Вятку новоспасского архимандрита Иосифа и симоновского келаря Иосифа с грамотою к епископу Александру, в которой писал: "Ведомо нам учинилось, что старец Феоктист живет у тебя, богомольца нашего, в келье и держит у себя на Церковь Божию многие развратные письма". Далее говорил царь, что посланным от него велено внимательно осмотреть все кельи как Феоктиста, так и самого епископа и забрать всякие, какие найдутся, Феоктистовы письма, а с ними взять и Феоктиста и чтобы епископ нимало этому не препятствовал. Воля государя была исполнена и тогда же составлена "Роспись, что взято у Феоктиста чернца, книг и писем". Всех их отыскалось более осьмидесяти. "Роспись" эта драгоценна потому, что свидетельствует, сколько уже и каких статей и небольших сочинений написано было ревнителями раскола еще до Соборов 1666 - 1667 гг., хотя у Феоктиста были собраны не все такого рода сочинения. Сам Феоктист, привезенный в Москву, при допросе 15 февраля 1666 г. показал, откуда достал или где списывал отобранные у него тетради и письма, и объявил, что святой соборной и апостольской Церкви повинуется и принимает книги пяти патриархов и Московских митрополитов, а о книгах новой печати смущается, потому что несходны с прежними печатными книгами и Служебником митрополита Киприана; да в новых же книгах "обругано царская титла: во многих местах государево царево имя напечатано складом, в

Служебниках в иных выходах *всёя Руси* есть, а во иных выходах *и всёя Руси* нет".

К прежним противникам исправленных и напечатанных при патриархе Никоне церковных книг присоединилось при оставлении им кафедры много новых противников, и в числе их, к изумлению, находился даже один из архиереев, именно Вятский епископ Александр. Изумительно здесь то, что этот епископ сам же присутствовал при Никоне в апреле 1656 г. на Соборе, предавшем непокорных Церкви проклятию за употребление двуперстия и одоббившем книгу "Скрижаль", изданную Никоном; в мае того же года - на Соборе, проклявшем Неронова и всех его единомышленников; в октябре того же года - на Соборе, рассматривавшем и одобвившем к печатанию книгу "Требник", и подписался под определениями этих Соборов. А теперь начал писать в защиту двуперстия, против новоисправленного Символа веры и новоисправленного Требника; теперь сделался одним из единомышленников Неронова и как епископ считался между ними "отцом отцов", имел сношения с Нероновым, Аввакумом, боярынею Морозовою и др. и давал у себя приют, как в Москве, так на Вятке, Феокисту, держал его даже в своей келье, как самого близкого к себе человека, и руководил его своими советами в списывании и составлении статей в раскольническом духе. Но необходимо заметить, что, сочувствуя первым учителям раскола и разделяя их взгляды на мнимые неисправности новопечатных книг, епископ Александр вовсе не разделял их взглядов на значение этих неисправностей и на православную Церковь, принявшую и употреблявшую эти книги. Неисправностей тех он вовсе не считал ересями и Церковь православную не называл еретическою, никонианскою, не хулил, не проклинал ее, не возбуждал к ней ненависти, как поступали Аввакум и его ближайшие сообщники. Напротив, Александр оставался в общении с Церковию и со всеми ее архипастырями, продолжал свое пастырское служение и, восставая против казавшихся ему неисправностей в новых книгах, искал только себе вразумления и наставления. Он изложил свои недоумения о новоисправленном Требнике в форме вопросов и, представляя эти вопросы, числом 51, своим братьям, митрополитам и епископам, и всему освященному Собору, смиренно молил разрешить его сомнения о новом Требнике, как во многом несогласном с прежними Требниками. При чтении этих вопросов делается очевидным, что Александр сличал новоисправленный Требник по преимуществу с киевским Требником Петра Могилы и показывал их разности, а о несходствах нового Требника с прежде изданными московскими Требниками говорил весьма мало и что далее он показывал разности, несогласия, повреждения и в прежних московских Требниках, изданных при прежних патриархах в 7131, 139 и 159 гг., - значит, соблазнялся разностями и несогласиями не в одном новоисправленном Требнике, но равно и в прежних Требниках, киевском и московских. Действительно ли представлял Александр эти вопросы на рассмотрение Собора или только приготовил к представлению вместе с помещенною в начале их своею речью к Собору, неизвестно, но во всяком случае написаны вопросы еще прежде января 1666 г., когда они отобраны были вместе с другими рукописями у Феокиста или даже у самого Александра на Вятке.

Не таковы были другие лица, выступившие по оставлении Никоном кафедры против напечатанных при нем книг: романо-борисоглебский поп Лазарь с его "единомысленником и способником" патриаршим подьяком Федором Трофимовым, суздальский соборный поп Никита Константинов Добрынин и диакон московского Благовещенского (придворного) собора Федор Иванов. Лазарь написал довольно большое сочинение, в котором старался перечислить все мнимые новшества, какие будто бы собрал Никон с чернецом Арсением от разных вер, и показать, в чем новые книги несходны с старыми и даже между собою и какие будто бы содержат неправые догматы и хульные слова. Автор дышит ненавистью на новые книги и на православную Церковь, называет эти мнимые новшества ересями, заимствованными от жидов, армян, латинян, резко нападает на архиереев, именуя их отступниками от православия, соблазнительями, прелестниками, ведущими всех в геенну огненную, и пр. Лазарь написал свое сочинение, вероятно, еще в 1660 г., потому что в следующем оно уже было подано царю патриаршим подьяком Федором Трофимовым, который и сам написал "многие злохуления" на новопечатные книги. Царь передал сочинение Лазаря на рассмотрение духовным властям и по их решению сослал еще в том же 1661 г. как попа Лазаря, так и подьяка Федора в Тобольск вместе с их семействами. Там находился тогда в заточении ученый сербский поп латинской веры Юрий Крижанич. Он часто видел Лазаря и Федора и беседовал с ними, вел с ними знакомство и свидетельствует: "Федор, как пришел сюда, не имел еще уса на губах, а чинил себя учителем в церкви и до того досаждал женщинам, что они отвечали ему: ступай-де домой учить свою жену. Да и об Лазаре знает весь город, что ему иногда улицы бывали тесны и люди его под руки водили, когда сам не мог дойти до дому. Однажды у меня сидел он с гостями и стал рассказывать гадкие басни; гости повесили носы, слыша от священника такие речи. Когда гости ушли, я заметил ему: отец Лазарь, рассуди, до чего дошла Христова Церковь и как жалко ее устройство, если уже мы беремся ее исправить, мы, которые сами так неисправны, да и срамные басни болтаем, и улицы нам, хмельным, бывают тесны, - это не признаки апостолов или посланных от Бога учителей на исправление Церкви... Нет, не святейший Никон отступил от Церкви, а ты, отче, сам отлучаешь себя от нее и производишь раздор". К этому Крижанич присовокупил: "Я не по злобе оглашаю (слабости) моего брата, а потому, что Лазарь, учинив сам себя апостолом, похулил апостольскую Церковь. За то я не по злобе, но по братской любви к ближним припоминаю об этом дивном апостоле то, чему был свидетелем и наш город... да знают все о делах и жизни этого главного учителя, которому желают вверять свои души, на мнениях которого основывают свое спасение и по руководству которого осуждают всю апостольскую Церковь". О поведении и нераскаянности попа Лазаря и подьяка Федора, без сомнения, получались известия правительством, и вот в начале 1666 г. оба они были вызваны из Тобольска в Москву, а отсюда "за их неистовое прекословие" по указу государя в апреле отправлены были в Пустозерский острог впредь до нового государева указа.

Суздальский соборный поп Никита Добрынин, подобно протопопам Неронову и Аввакуму, был характера весьма дерзкого и задорного. В 1659 г. он,

отправившись в Москву, подал там донос на своего архиепископа Стефана, бывшего из архимандритов Воскресенского Никонова монастыря, обвиняя архиерея в том, что он "служит Божественную литургию не по преданию св. апостол и пасет Церковь Божию не по правилам св. отец, честным иконам, и церквам, и всякой святыне ругается, учит священный чин и всех христиан не от Божественного Писания". В этом доносе уже обнаруживалась неприязнь попа Никиты против новопечатных книг, потому что в приложенной к доносу "росписи, что делал архиепископ Стефан не по правилам св. отец" ему вменялось, например, и то, зачем он при совершении литургии, стоя на амвоне во время Трисвятого, крест держал в левой руке, а свечу в правой, как поступали тогда по исправленным книгам и все архиереи. В августе прислан был из Москвы в Суздаль для производства следствия Вятский епископ Александр с архимандритами - чудовским Павлом и богоявленским Киприаном. Стефан представил им объяснения по всем статьям сделанного на него извета и был оправдан. Когда поп Никита возвратился 16 сентября в Суздаль, архиепископ послал на другой день в соборную церковь свою грамоту, которою отрешал Никиту от места, и велел прочитать ее подъячему Андрею пред всем народом в церкви. Но Никита вырвал из рук подъячего грамоту и разорвал, называл архиепископа еретиком, государевым изменником, проклинал и произвел большое смятение в церкви, а сам послал челобитную к государю на архиепископа с новою подробнейшею "росписью" его преступлений. В Суздаль вновь прибыл Вятский епископ Александр, взяв с собою патриаршего дьяка Парфения Иванова, и на этот раз произвел весьма строгое расследование, допрашивал множество лиц, во многом подтвердивших донос на архиепископа. В 1660 г. Собор слушал эти обыскные речи и по каждой статье допрашивал архиепископа Стефана. Последний, в чем только согрешил, тут же сознавался и нимало не запырлялся, а только просил прощения, говорил, что поступил так "не от злого своего вымысла, но за простоту и скорое дерзновение". Собор, осудивший было Стефана сначала на извержение из сана, потом лишь на посылку в монастырь под начало с запрещением священнослужения, окончил тем, что удалил Стефана из Суздаля, "потому что он возненавиден того града людьми", и определил "ради пропитания" с соизволения государя в московский Архангельский собор для совершения в нем архиерейских священнослужений и поминовения почивающих в соборе великих князей и царей. Но с другой стороны, Собор нашел, что Стефан "от того самого священника Никиты во иных неистовых статьях напрасно оклеветан", и за такое напрасное оклеветание своего епископа запретил Никите священнослужение до святительского указа, которого, однако ж, Никита не удостоился получить никогда. Находясь под этим-то запрещением, Никита и писал свою "челобитную царю Алексею Михайловичу на книгу "Скрижаль" и на новоисправленные церковные книги". Челобитная Никиты по своей обширности и основательности превосходит все другие явившиеся тогда раскольнические челобитные; для составления ее требовалось перечитать немало книг, сделать множество выписок, подобрать свидетельства и все собранное изложить в порядке, и Никита, как сам говорил, трудился над нею семь лет, а как в 1666 г. челобитная была уже готова, то он начал ее, вероятно, еще в 1659 г., если не ранее. Писал он ее сперва начерно,

потом понемногу исправлял и переписывал набело и по частям давал читать разным лицам, вследствие чего слухи об ней дошли до правительства. В конце 1665 г., когда происходил допрос благовещенскому диакону Федору Иванову, его спрашивали и об этой челобитной, и он отвечал, что "Никита, священник из Суздаля, к нему хаживал и челобитную великую к нему принашивал, и ту-де челобитную он чел, и, прочет тое челобитную, отдал ему, священнику Никите". А в первые месяцы следующего года власти послали в Суздаль отобрать у Никиты его челобитную в черновых тетрадях и беловую, которая была еще не дописана, и самого Никиту сковать, и вместе с его рукописями привезти в Москву. Что касается благовещенского диакона Федора, то он начал писать против новопечатных книг позднее попа Никиты, несколько лет держался этих книг и служил по ним, но в душе сочувствовал расколоучителям и мало-помалу вступил в их общество, бывал у Аввакума в Москве, был знаком с Нероновым, Феокистом, епископом Александром и др. В марте 1665 г. Федор написал письмо к Феокисту на Вятку, называя его своим другом, благодарил его и епископа Александра за то, что они своим благословением и епистолиями посетили и возвеличили его, просил Феокиста умолить Александра, чтобы он порадел о матери нашей, святой соборной Церкви, и чтобы оба они собрали от книг хоть маленькое собрание об аллилуйе и о сложении перстов, а сам обещался высылать им из Москвы для справок новые книги, какие потребуются; извещал, что грамота царская о возвращении Аввакума из ссылки не пошла и что сам он, Федор, подавал челобитную об освобождении Аввакума царскому духовнику (Лукиану), но он с великою яростью бросил ее в глаза подателю. При своем письме диакон Федор отправил к Феокисту и письмо к нему Аввакума, присланное из Мезени. В декабре того же года Федор при допросе объявил, что теперь он уже не служит по новым Службникам, потому что они несогласны с старыми, и поименовал многих других, которые также не служили по новым Службникам, а после допроса отдан был патриаршему старцу Сосфену и посажен на цепь. Писал ли диакон Федор что-либо против новоизданных книг до соборного суда над ним и его единомышленниками, неизвестно, но известные ныне его сочинения, дающие ему одно из первых мест в ряду первых расколоучителей, написаны им (частик) в продолжение Собора, а преимущественно после Собора, когда он, Федор, находился в заточении.

Протопоп Аввакум, попы Лазарь и Никита и диакон Федор - это были единственные расколоучители, вышедшие в то время из среды белого духовенства и пребывшие верными расколу до конца. Являлись и другие лица из той же среды, державшиеся раскола и даже страдавшие за него, каков был, например, знаменский поп Дементьян, который сослан был в Тобольск и оттуда вместе с попом Лазарем переведен в Пустозерский острог, но они не оставили по себе в расколе никакого следа. А иные возвращались даже в православие, например, поп придворной Ризположенской церкви в Москве Иродион. Этот поп в 1660 г. подал государю письмо на справщика книг Арсения Грека с товарищи, обвиняя их в ересях. Арсений, значит, и теперь, по удалении Никона, оставался во главе справщиков. Государь переслал письмо 27 декабря в патриаршую крестовую палату властям чрез окольного Федора Михайловича Ртищева и приказал дать попу Иродиону по тому письму очную ставку с

справщиками. На следующий день и происходила эта ставка пред Собором властей. Иродион говорил: первая ересь Арсения с товарищи та, что они назвали евангелиста Матфея лживым. Они напечатали в Прологе под 29-м числом августа торжественное Златоустово Слово, в котором сказано: "Един Ирод младенцев избил и Иоанна Предтечу убил", а по Евангелию, Ирод, избивший вифлеемских младенцев, умер, когда Христос младенец с материю Марию и Иосифом находился еще в Египте (Мф. 2. 15, 19). Арсений отвечал: "То торжественное Слово мы написали не от себя, а напечатали по указу великого государя в соборной Минее". Тогда Иродион сознался: "Я-де не ведал, что они печатали с готового; когда у меня не было с ними брани, я на них ничего не писал, а как побранился, то и написал на них". Замечательное сознание! Затем Иродион продолжал: "Да и то их ересь: выдали они общую Минеею и в ней поместили указ служить литургию в навечерие Рождества Христова и Богоявления по старым Служебникам, и молитвы архиерейские пред престолом говорить и по молитвам часы, и, двери царские отворя, служить литургию". Sprawщики отвечали: "Мы ту Минеею печатали по указу государя с старых переводов, а ирмосы, догматики, степенные и богородичные напечатали в ней с печатного Ирмолога и с Часослова". Иродион еще сказал: "В Потребнике напечатано помазывать (младенца) миром на ногах, а у нас-де в России миром на ногах не помазывают с самого Крещения Русской земли". Арсений отвечал: "Потребник переведа с греческого письма по указу государя слово в слово, а от своего ума ничего не прибавил; пусть проверят тот перевод без меня иные переводчики, и они увидят, что я перевел право". Эти слова Арсения следовало бы помнить раскольникам, которые доселе не перестают слепо укорять его в небывалых ересьях и в намеренном будто бы искажении церковных книг. Поп Иродион, верно, понял свою ошибку и чрез несколько времени сделался ревнителем новопечатных книг. Он был перемещен от Ризположенской церкви к церкви святой Софии, Премудрости Божией, что вновь была устроена за Москвою-рекою. И отсюда, взяв с собою десять человек прихожан, вместе с попом Иваном Фокиным из Барашской слободы, взявшим с собою до 70 прихожан, ходил в Воскресенский монастырь к патриарху Никону, который принял их ласково, поучил и благословил, а попов и наделил подарками от себя. С того времени оба эти попа начали похвалять новые книги и учить своих детей духовных, чтобы крестились тремя перстами, а непокорных проклинали.

Гораздо более, чем в белом духовенстве, нашлось тогда противников новопечатных книг между монашествующею братиею. Одни из них и писали против этих книг, некоторые же только не соглашались принимать их и возбуждали к тому же других своим словом и примером. К первому классу принадлежали: 1) старец, а по иным и архимандрит, Покровского монастыря в Москве Спиридон Потемкин. Он был из дворянской фамилии, приходился будто бы дядею окольникову Федору Михайловичу Ртищеву и до морового поветрия или до взятия Смоленска царем Алексеем Михайловичем жил в Смоленске. Вероятно, там-то он и изучил языки греческий, латинский и польский и приобрел те познания, которыми славился, и ненависть к латинянам и униатам. Вскоре по переселении в Москву принял пострижение в Покровском монастыре, что за Яузою на Убогих, и, всецело предавшись чтению книг,

сделался "великим поборником по старому благочестию". Когда скончался (14 ноября 1662 г.) Новгородский митрополит Макарий, то царь будто бы присылал Федора Ртищева к старцу Спиридону и предлагал ему Новгородскую кафедру, но Спиридон отказался, не желая принимать новопечатных книг. Он написал против православной Церкви до десяти Слов, составляющих целую, хотя небольшую, книгу, которая зовется у раскольников так: "Книга богомудрого старца Спиридона Потемкина". Здесь он говорил и о крестном знамении, и о Символе веры, и о пришествии антихриста, и о том, будто ереси в новопечатные книги заимствованы от латинян, и пр. Спиридон скончался 2 ноября 1665 г. и не дожидая Собора, судившего расколоучителей. 2) Старец Ефрем Потемкин, постриженник Бизюкова монастыря в Дорогобужском уезде. Но отсюда Ефрем удалился в Нижегородские пределы и поселился в дремучих лесах, тянувшихся верст на триста по направлению к Ветлуге. Туда стекались к нему крестьяне из окрестных деревень на лыжах - так как никаких дорог к его келье не было, - чтобы слушать его учение. Он проповедовал, что антихрист уже народился, настало последнее время и всяк должен беречь свою старую веру, что новопечатные книги испорчены, Церковь увлеклась в ереси, восставал против исправленного Символа веры, четвероконечного креста, молитвы Иисусовой и многих прельстил. О тех же самых предметах он и писал, но писания его не дошли до нас. 3) Архимандрит Спасского монастыря в Муроме Антоний. Он написал сочинение, сохранившееся доселе, о сложении перстов для крестного знамения и для архиерейского благословения с мистическими толкованиями, а также челобитную государю и другие сочинения - об аллилуйе, о Символе веры, до нас не дошедшие, и находился в сношениях с покровительницею расколоучителей боярынею Морозовою. 4) Уставщик Симонова монастыря в Москве старец Серапион, прежде бывший протопопом в Смоленске, также оставил какие-то "хульные писания" на православную Церковь за исправление книг, до нас не дошедшие. Из числа иноков, содействовавших распространению раскольнических мнений только устною проповедью и своим примером, известны: 1) чернец Капитон. Он был поселянин дворцового села Даниловского в Костромских пределах и, не имея чем питаться, принял монашество и удалился в пустынное место - Колесниково, где и начал жить по образу пустынников. Молва о подвигах Капитона привлекала к нему многих из поселян; некоторые оставались с ним жить и, несмотря на его совершенное невежество в святых книгах и безграмотность, имели его своим наставником. Он заповедовал им строгий пост, так что даже в великие праздники, на Рождество Христово и на Пасху, не разрешал вкушать рыбы, сыру и масла, и еще настойчивее заповедовал держаться двуперстия в крестном знамении и чуждаться троеперстия как страшной ереси. Последним своим учением Капитон имел такое обширное влияние на всю окрестную страну, что по его имени раскольники вообще называемы были капитонами, раскол "капитонскою ересью", а сам он ересеначальником. 2) Старец Сергей Салтыков, постриженник Бизюкова монастыря в Дорогобужском уезде, настолько славившийся между своими единомышленниками, что протопоп Аввакум указывал на него царю в своей челобитной как на достойнейшего занять архиерейскую кафедру. 3) Строитель лысковского Богородицкого монастыря в Нижегородском уезде

черный поп Авраамий, не допуская в своем монастыре употребления новопечатных книг. 4) Старец Боголеп Львов, ратовавший в Кожеозерском монастыре особенно против трегубой аллилуйи и соблазвивший многих своею бесчинною жизнью. 5) Чернец Иосиф Истомин, он происходил от армян, принявших крещение при царе Михаиле Феодоровиче в Казани, и, когда началось исправление церковных книг и обрядов, явился жарким защитником двуперстия в крестном знамени; за свое упорство сослан был в 1660 г. из Казани в Енисейск и, проезжая чрез сибирские города Верхотурье, Туринск и Тюмень, увлек своим лжеучением многих, а в Енисейске не переставал сеять то же лжеучение целые десятки лет.

Но мало того что отдельные иноки разных монастырей вооружались против новопечатных книг, против них восстал и целый монастырь Соловецкий. Настоятелем Соловецкого монастыря был тогда архимандрит Илия, который хотя лично присутствовал на Московском Соборе 1654 г. и подписался под решением его о необходимости исправления церковных книг, но в душе принадлежал к числу лиц, нимало не сочувствовавших соборному решению и крепко стоявших за старые книги. Это обнаружил он в следующем году, когда с особенною участливостию принял у себя в монастыре бежавшего из заточения протопопа Неронова, величая его страдальцем за истину и добрым воином, за что и подвергся временному запрещению от патриарха Никона. Теперь Илию представился случай засвидетельствовать еще яснее и решительнее свою приверженность к партии Неронова. В 1657 г., 30 августа, прибыл в Холмогоры боярский сын Новгородского митрополита Макария Иван Малгин, развозивший по церквам и монастырям епархии новопечатные церковные книги, и передал здесь приказному старцу Соловецкого подворья Иосифу для отсылки в монастырь пятнадцать новых Служебников да три другие церковные книги, взяв за них 23 рубля 8 алтын и 3 деньги. В октябре старец переслал книги в Соловецкий монастырь, и архимандрит Илия, приняв их тайно "с своими советниками" и не объявив никому, положил в казенную палату. Через несколько времени, однако ж, об этом узнали в монастыре, и братья начали говорить между собою: "Зачем нам не покажут присланных новых Служебников, не дадут даже посмотреть на них?" Архимандрит испугался, как бы не подвергнуться ответственности, и в наступившем 1658 г., на шестой неделе Великого поста, пригласив к себе всех попов своей обители, принудил их под страшными угрозами приложить свои руки к приговору, который сам же составил с своими советниками и в котором было написано, будто архимандрит по получении тех Служебников давал их своим попам, но попы служить по ним не согласились. Попы предлагали архимандриту, чтобы он сам начал, а за ним и они будут служить по новым Служебникам, но он и слышать о том не хотел, и попа Германа, который осмелился отслужить по новому Служебнику одну только литургию в приделе архиерея Евфимия, дважды били за то плетью. Прошли зимние месяцы, когда за льдами прекращается всякое сообщение с Соловецким монастырем, открылась навигация, и в монастырь стали приходиться из разных мест России богомольцы. Многие из них начали "зазирать", что в святой обители доселе совершаются службы по старым Служебникам, а не по новым вопреки царскому и патриаршему указам. В душе настоятеля опять

возбудились тревоги, и он с своими советниками придумал новую меру, чтобы оградить себя от ответственности пред начальством. Он созвал 8 июня в монастырскую трапезу на "черный Собор" всю братию, даже больничных, пригласил также строителя Анзерского монастыря с братиею и всех бывших тогда в обители богомольцев из разных городов и со слезами на глазах сказал к собравшимся: "Видите, братие, последнее время? Восстали новые учителя, и отвращают нас от православной веры и от отеческого предания, и велят нам служить на ляцких крыжах по новым Служебникам, неведомо откуда взятым. Помолитесь, братие, чтобы Бог сподобил нас умереть в православной вере, как умерли отцы наши, и чтобы латинской службы нам не принимать". В ответ на это все братия, хотя даже не видели новых Служебников, чтобы судить о них, подговоренные советниками архимандрита, закричали: "Латинской службы и еретического чина нам не принимать, и причащаться от такой службы не хотим, и тебя, отца нашего, ни в чем не выдадим - в том руки приложим, все заодно стоять готовы". Тогда архимандрит прочел им наперед составленный в этом именно смысле приговор, в котором было изложено, что, когда из Холмогор присланы были Служебники нового выхода, архимандрит Илия объявил о них священникам, диаконам и всей братии на черном Соборе, но священники сказали: "Мы учились и привыкли служить по старым Служебникам, по которым служили Соловецкие чудотворцы и все прежние игумены, а служить по новым Служебникам при старости лет, а иные и по малограмотности, мы не можем научиться и привыкнуть"; братия же всем Собором отвечали: "Если священники начнут служить по новым Служебникам, мы не будем от них и причащаться, и просим у Бога милости, чтобы скончаться нам в обители, как скончались наши отцы, а если на отца нашего архимандрита Илию выдет какая кручина или повеление от святейшего патриарха или Новгородского митрополита, нам, всей братии, бить пред ними челом своими головами, и стоять всем заодно, и ни в чем отца нашего архимандрита Илию не выдавать". Приговор предложен был для подписания прежде всего священникам, и некоторые из них, боясь архимандрита, беспрекословно подписались, а трое, Виталий, Спиридон и Герман, не соглашались подписаться, но на них закричали: "Мы вас живыми из трапезы не выпустим", и они поневоле должны были уступить. Всего подписалось: десять попов Соловецкого монастыря, каждый за себя и за своих детей духовных, не умеющих грамоте; черный поп Анзерской пустыни за себя и за своих детей духовных; келарь, казначей и три соборных старца Соловецкой обители; четыре диакона и 28 чернецов, т. е. простых монахов той же обители; келарь больничный за себя и за 67 больничных братьев, больничные уставщик и два чернеца. Знак, что грамотных людей во всей Соловецкой обители, с Больничным монастырем и Анзерскою пустынею, было тогда только до 52 человек. Но и после подписания такого приговора архимандрит не мог успокоиться, опасаясь, как бы на него не донесли. Он заклинал священников во время служения с ними литургии Телом Христовым, которое им преподавал, чтобы они ничего не писали о нем патриарху или государю; дал приказ по монастырю, чтобы никто не принимал от них никакого письма для пересылки, умолял о том же самих богомольцев, приглашая к себе, и 18 июля, позвав к себе в алтарь попа Виталия, одного из

трех, недобровольно подписавшихся под приговором, сказал: "Вы на меня восстаете, не хотите быть в соединении с нами, и мы вас проклинаяем". Виталий отвечал: "Страшно нам проклятие св. соборной Церкви, святейшего патриарха и всего великого Собора, а твое проклятие нас не страшит". И, несмотря на все меры предосторожности, принятые архимандритом, эти три священника нашли "доброе человека" и послали с ним к патриарху Никону свою челобитную на архимандрита. К сожалению, патриарх Никон в то время уже отрекся от своей кафедры - о чем в Соловецком монастыре еще не знали, - и челобитная трех священников, хотя несомненно была доставлена по назначению (так как доселе в подлиннике хранится в Московской Синодальной библиотеке, куда могла попасть из патриаршего архива), не обратила на себя внимания духовных властей. Это тем более достойно сожаления, что, как видно из челобитной, не один архимандрит Илия ревновал в монастыре против новопечатных книг, но и его советники: келарь Сергей, старцы Савватий Обрютин, Евстратий, Макарий Бешеный, Герасим Фирсов, Тихон Будильник - и многие другие были уже в то время "велие враги и хульники на чин св. Восточная Церкви", что архимандрит Илия уже тогда все Поморие утверждал в своем лжеучении и по всем монастырским волостям и по усольям заказывал, чтобы отнюдь Службников новых не принимали и крестились по-прежнему, а кто крестился тремя перстами, тех проклинал, и что, наконец, один из названных помощников архимандрита, Терасим Фирсов, еще в 1658 г. написал тетрадки о двуперстном сложении для крестного знамения, которые и ходили по рукам братии и других грамотных людей. При таких условиях раскол уже тогда мог более и более укореняться не только в Соловецком монастыре, но и во всей окрестной стране.

Архимандрит Илия скончался в 1659 г. На место его братия избрала постриженника своего же монастыря, иеромонаха Варфоломея, который жил тогда в звании приказного старца на Соловецком подворье в Вологде. В марте 1660 г., на Вербное воскресенье, Варфоломей поставлен был в Москве в сан архимандрита Новгородским митрополитом Макарием, и затем присутствовал на происходившем тогда Соборе по делу патриарха Никона до самого окончания Собора, и подписался под его решением, так что мог отправиться в свою обитель только в конце августа. Но и новый настоятель Соловецкого монастыря ничего не мог сделать против общего приговора братии, состоявшегося 8 июня 1658 г., о непринятии новопечатных Службников. И хотя спустя год успел было составить вместе со всеми священниками монастыря и со всею братиею на черном Соборе 22 октября 1661 г. новый приговор, чтобы по примеру соборной церкви в Москве и всех обителей ввести и в Соловецком монастыре "пение наречное" и впредь совершать службы по новоисправленным печатным книгам, только этот приговор остался мертвою буквою и вовсе не исполнялся, как и обнаружилось чрез некоторое время. В начале 1663 г., едва только архимандрит Варфоломей отправился по монастырским делам в Москву, как в обители произошла великая смута из-за того, что при совершении литургии некоторыми священниками заметили небольшие отступления от установившегося чина. Особенно нападали все на уставщика иеромонаха Геронтия, обвиняя его, будто он приходил к келарю и просил новых Службников, все еще находившихся в монастырском

казнохранилище, чтобы по ним служить, и, несмотря на клятвенные удостоверения Геронтия, что у него "ни в уме, ни в помышлении того никогда не бывало, чтобы желать новых Служебников", грозили его убить. Получив известие о смуте, архимандрит поспешил возвратиться с дороги в обитель и, по расследовании дела наказав виновников смуты, составил (16 февраля 1663 г.) вместе со всеми священниками и диаконами монастыря приговор, чтобы "впредь от них возмущения никакого не было и никаких чинов нововводных", а кто из них станет вводить какие-либо новые чины без государева указа и святительского повеления или укорять другого нововводными чинами и того не докажет, тех смирать монастырским жестоким смирением; если даже сам архимандрит станет превращать церковные чины и вводить новые без государя и святительского веления, то и архимандриту священники должны смело говорить о том, а если не послушается, то писать на него Новгородскому митрополиту. После такого приговора о введении в Соловецком монастыре новых Служебников вместо доселе употреблявшихся старых нечего было и думать, хотя приговор, не без намерения изложенный в таких общих чертах, по букве вовсе не касался новых Служебников. Раскол не переставал укореняться в монастыре. Старец Герасим Фирсов написал новое сочинение или только распространил прежнее о сложении перстов под названием: "Послание к брату", поместив здесь многочисленные выписки из разных книг и свидетельства о двуперстии, доселе употребляемые раскольниками. А другой старец Феокист, находившийся в изгнании в Анзерской пустыне, составил "Слово о антихристе и тайном царстве его", где, раскрывая свои мысли, что антихрист уже царствует в мире духовно, а чувственно обнаруживает себя в своих предтечах - Римских папах, старался доказать, что и Никон есть предтеча антихриста. Оба эти сочинения, написанные еще до Собора 1666 г., много могли способствовать усилению раскола в Соловецком монастыре и его окрестностях.

Как ни слаба начертанная нами картина вновь появившегося у нас раскола по оставлении Никоном патриаршей кафедры, но и эта картина показывает, что раскол в продолжение каких-нибудь семи или осьми лет наступившего междупатриаршества успел проникнуть во многие места России, везде смущал умы верующих, везде находил не только последователей, но даже проповедников и в лице главных своих вождей успел открыто заявить свою враждебность и ненависть к господствующей Церкви. Нельзя сказать, чтобы власти духовные, особенно блюстители патриаршей кафедры, были невнимательны к делу, начатому Никоном. Они продолжали печатать или перепечатывать новоисправленные книги, и "по благословиению преосвященных митрополитов, архиепископов и епископов и всего освященного Собора меж патриаршеств" изданы были в Москве: Пролог (1659 - 1661), Псалтирь следованная (1660), Минея общая с праздничною (1660 - 1663), Минеи месячные (1663), Триодь цветная (1660), Триодь постная (1663), Шестоднев (1660, 1662), Требник (1662), Канонник (1662) и др. В то же время власти принимали меры и против раскола и, например, в 1661 г., как мы видели, сослали в Тобольск попа Лазаря и подьяка Федора; в 1664 г. удалили из Москвы на Мезень протопопа Аввакума; в 1665 г. заключили в монастырь старца Григория Неронова, хотя нельзя не сознаться, что действия властей против

раскола вовсе не отличались ревностью и энергиею. Царь Алексей Михайлович, как мы упоминали, еще в конце 1662 г. выразил свою скорбь о несогласии в церковных службах, производившем в народе соблазн, а по местам и расколы, и тогда же положил созвать для рассуждения об этом Собор с участием Восточных патриархов, но Собор не состоялся. В начале 1665 г. посланный царя, приглашая Иерусалимского патриарха Нектария в Москву для суда над Никоном, присовокупил: "Да есть у нас и другие дела, которые без вас устроить нельзя, весь церковный чин в несогласии, в церквах служит всяк по-своему". А к концу того же года, когда Никон просил позволения приехать в Москву, ему отвечали, что в Москве теперь многая мирская молва о разностях в церковной службе и о печатных книгах и что если он приедет, то может произойти смятение. Ввиду этой-то многой мирской молвы, которая могла разразиться самыми худыми последствиями, а с другой стороны - ввиду того, что прибытия Восточных патриархов, на суд которых царь желал передать и вопрос о расколе, нельзя еще было ожидать в скором времени, царь решился в начале 1666 г. созвать для этой цели на Собор своих только русских архиереев с прочим духовенством.

Сказание о деяниях созванного теперь Московского Собора, до нас дошедшее, составлено Симеоном Полоцким, и мы, прежде нежели начнем пользоваться этим сказанием, считаем нужным несколько познакомиться с самим автором, тем более что нам придется еще не раз встречаться с ним в последующей истории. Иеромонах Симеон Петровский-Ситнианович или Ситианович родился в 1629 г., вероятно, в Белоруссии. Кто были его родители и какое имя дано было ему при рождении, неизвестно. Воспитывался в киево-могилянской коллегии, когда в числе наставников ее находился Лазарь Баранович, который потому и называл Симеона своим учеником. А по выходе в 1650 г. из коллегии Ситнианович, может быть, слушал, следуя тогдашнему обычаю, дополнительные лекции в каком-либо из высших иезуитских учебных заведений в Польше или за границу, что и могло послужить поводом к названию у нас Симеона в последующее время учеником иезуитов. В 1656 г. мы видим Симеона уже в Полоцке как инока православного Богоявленского монастыря и в звании дидаскала братской школы. В этом году царь Алексей Михайлович дважды посетил Полоцк, в июле и октябре, и в одно из этих посещений молодой учитель богоявленской школы имел радость поднести царю своего сочинения "Метры на пришествие великого государя" и тем обратить на себя его внимание. Спустя три года, когда чудотворная икона Богоматери, взятая Алексеем Михайловичем из полоцкого Богоявленского монастыря с собою в поход и потом в Москву, принесена была обратно в новой богатой ризе, Симеон приготовил приличные "вирши", или стихи, которые и были торжественно произнесены восемью его учениками при встрече иконы (1 апреля) у больших городских ворот. К концу 1663 или в начале следующего года, после того как Полоцк снова перешел под власть Польши и для православных в нем опять настало тяжелое время, Симеон Ситнианович переселился в Москву, где и сделался известным под именем Симеона Полоцкого. В Москве по указу государя поручено было ему обучать латинскому языку молодых подьячих Тайного приказа, чтобы приготовить из них хороших

переводчиков. Обучение открывалось в Заиконоспасском монастыре, и летом 1665 г. здесь построено было как для школы, так и для помещения учителя особое "хоромное строение". Могущественный тогда у государя Паисий Лигарид в состоянии был и сам оценить ум и знания ученого пришельца из Полоцка, но для Симеона на первых порах много мог значить и добрый отзыв о нем Черниговского архипастыря Лазаря Барановича пред Паисием. Посылая к последнему при письме от 14 августа 1664 г. книгу иезуита Боймы об исхождении Святого Духа и главенстве папы и приглашая Лигарида проверить по источникам приводимые в ней свидетельства святых отцов, Баранович присовокупил: "Прошу сообщить книгу и достопочтенному отцу Симеону Ситниановичу-Петровскому, знаменитому брату моему, известному своею ученостию, - пусть испытает на ней силу ума своего и окажет услугу св. Церкви, пользуясь помощью твоей святыни". Паисий и Симеон служили иногда друг другу в качестве переводчиков. Когда к концу 1664 г. патриарх Никон внезапно явился в Успенский собор и царь приказал позвать к себе для совета главнейших бояр и архиереев, позван был также и Симеон, чтобы переводить с латинского языка речи Паисия Лигарида, не говорившего по-русски. А спустя около двух лет, когда прибыли в Москву Восточные патриархи и Симеон, вовсе не знавший по-гречески, произнес пред ними приветственное Слово на латинском языке, это Слово тотчас же переводилось для патриархов на греческий язык Лигаридом, как сам он свидетельствует в своей истории, называя при этом Симеона "ученейшим".

Описать деяния Московского Собора 1666 г. поручено было Симеону не в то время, когда происходил Собор, а уже впоследствии, и Симеон окончил свой труд не прежде сентября 1667 г. Это в строгом смысле не есть описание соборных деяний, как они происходили, а есть только сказание о них, составленное хотя на основании подлинных документов, но по личному усмотрению самого автора. Он представил в своем сказании одиннадцать деяний соборных так, как будто каждое из них совершилось в одном, особом заседании Собора, а между тем при описании большей части заседаний сказал не только о том, что происходило в заседании, но и о том, что случилось после с лицом, которое в заседании было судимо. В этом для большего удобства в обозрении событий последуем за автором и мы. Некоторые же заседания он изобразил слишком кратко, и мы постараемся дополнить недостающее в его сказании при пособии тех же самых документов, которыми, вероятно, пользовался и он. В феврале 1666 г. съехались в Москву по грамотам государя все русские архиереи и в том же феврале имели первое свое соборное заседание, которое по справедливости можно назвать только предварительным. Оно происходило в крестовой патриаршей палате, и на нем присутствовало: пять митрополитов - Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Иона Ростовский, Павел Сарский и Подонский и Феодосий Сербский и пять архиепископов - Симон Вологодский, Филарет Смоленский, Иларион Рязанский, Иоасаф Тверской и Арсений Псковский. Они при самом открытии заседания постановили: прежде нежели начнем судить других за уклонение от православия в раскол, мы должны соиспытать и совопросить о том же друг друга любовно между собою, чтобы не пришлось кому-либо из нас

услышать: *Врачу, исцелися сам или: Что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже во оце твоём, не чуеши? Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7. 3, 5). И потому первее всего каждый из архиереев прочел во всеуслышание Символ православной веры, и когда увидели, что все они в исповедании Символа согласны и единомысленны, то предложили еще друг другу дать ответы на следующие вопросы: а) как признавать святейших патриархов греческих. Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, православны ли они? б) Книги греческие, печатные и древние рукописные, по которым греческие патриархи и священники совершают все богослужения, правильны ли и достоверны? в) Московский Собор 1654 г., бывший в царских палатах при патриархе Никоне, признавать ли за Собор правильный? Новгородский митрополит Питирим первый написал свои ответы, что он признает и исповедует православными и всех греческих патриархов, и употребляемые ими богослужебные книги, и Московский Собор 1654 г., бывший в царских палатах, и собственноручно подписал свое исповедание. Подобные же ответы написали один за другим и все прочие архиереи и подписали своими руками. А в конце свитка, на котором помещены были все эти рукописания архиереев, они начертали Символ веры в том самом виде, как он был произнесен каждым из них на Соборе и напечатан в новоисправленных книгах. Вслед за архиереями подобные же письменные заявления дали и архимандриты монастырей: Троице-Сергиева Иоасаф, Новоспасского Иосиф, Юрьева новгородского Феодосий, Хутыня новгородского Иосиф, Знаменского московского Арсений, Николо-Угрешского Викентий. Легко понять, почему наши святители, собравшиеся для суда над расколом, желая предварительно удостовериться, не причастен ли кто из них самих тому же греху, предложили друг другу эти именно, а не другие вопросы. Сущность появившегося у нас раскольнического учения состояла именно в том, что русские церковные книги, напечатанные до патриарха Никона, во всем исправны, православны и не требовали исправления, что Московский Собор 1654 г., определивший исправление их, есть Собор незаконный, что греческие книги, по которым совершено при Никоне исправление наших книг, испорчены и наполнены ересями и сами греческие патриархи, находясь под игом неверных, уклонились от православия. Потому-то, как увидим, эти же самые вопросы предлагаемы были на Соборе и другим лицам, которые обвинялись в принадлежности к расколу.

Второе заседание Собора совершилось только 29 апреля, в неделю святых жен-мироносиц, следовательно, спустя около двух месяцев после первого заседания. Такое замедление могло зависеть от того, что признали, может быть, неудобным открыто заниматься судом над раскольниками и волновать народ в продолжение святого Великого поста, который начался в том году 25 февраля, и в продолжение святой Пасхальной недели, а занимались в продолжение всего означенного времени только приговорительными работами для Собора, предварительными допросами и увещаниями лиц, которые должны были судиться на Соборе. Это второе заседание в действительности было первым, потому что на нем только последовало торжественное открытие Собора

самим государем. Заседание происходило не в патриаршей крестовой, а в царской столовой палате. Когда собрались в нее все архиереи, бывшие и на первом заседании, кроме митрополита Сербского, и прочие члены духовенства, равно и царский синклит, князья, бояре, окольные и думные люди, тогда вышел и царь и обратился к духовенству с речью. Он выразил свою радость при виде собравшихся архипастырей своей земли, но вместе и свою скорбь при воспоминании о том, что понудило его созвать их. "Небесный Домовладыка, - говорил царь, - посеял на ниве нашей православной державы одну только чистую пшеницу благочестия, но враг завистливый, спящим нам, кому поручено быть стражами пшеницы, всеял в ней куколь - душепагубные расколы... Уже богохульное учение обносится не только в разных странах Богом врученного нам царства, по городам и весям, но вторглось в самую нашу столицу, коснулось нашего слуха, представлено нам в свитках. И мы узнали, что оно содержит следующие хулы: нынешняя Церковь не есть Церковь, Тайны в ней Божественные - не тайны, крещение - не крещение, архиереи - не архиереи, учение несправедливое - и все в ней скверно и неблагочестно. Многие скудоумные заразились этим лжеучением и, как бы обезумев, уклонились в нововозникшие сонмища, отвергли крещение, не исповедуют своих грехов иереям Божиим, не причащаются Животворящим Тайнам и совсем отчуждились от Церкви и от Бога". Изобразив такими яркими чертами положение раскола в России, царь умолял архипастырей и пастырей со всем тщанием заняться этим делом, чтобы за свое нерадение и небрежность не отвечать им пред Богом в день Страшного суда, а о себе свидетельствовал, что готов положить за Церковь Божию все свое и самого себя. Затем царь объявил, что он в то самое время, как размышлял об утолении мятежа церковного, обрел при помощи Божией в своей царской сокровищнице бесценный бисер - книгу "Хризовул", утвержденную всеми Восточными патриархами и другими греческими архиереями и присланную ими царю Федору Ивановичу и патриарху Иову (разумелось известное определение Цареградского Собора 12 февраля 1593 г. о Русском патриаршестве), и, называя эту книгу данным от Бога оружием против раскола, пожелал прежде сам прочитать ее на Соборе и потом уже передать архиереям. Приняв на то благословение от святителей, царь сел на свое царское место, велел также сесть архиереям и боярам и, сидя, читал всю книгу. Когда же дошел до Символа веры, начертанного в книге, то поднялся и прочел Символ стоя и спросил архиереев и бояр: так ли они содержат святой Символ и прочие догматы, как изложено в "Хризовуле"? На речь царя отвечал от лица Собора Новгородский митрополит Питирим также речью: благодарим Бога, благоволившего даровать Церкви Своей такого доброго и ревностного стража и поборника; благодарим и самого государя, величая его вторым Константином, истинным расширителем православия, верным слугою Христовым, теплым рачителем католической веры; свидетельствовал, что все собравшиеся архипастыри веруют и содержат Символ и все догматы точно так, как прочитано государем в книге "Хризовул", и готовы употребить все меры против врагов Церкви при пособии крепкой царской десницы. По окончании речи митрополита царь поцеловал Символ веры, начертанный в книге "Хризовул", и передал Собору; архиереи все один за другим также поцеловали и передали боярам, окольным и думным людям,

которые поступили так же. И потом велено было чудовскому архимандриту Иоакиму отнести книгу "Хризовул" как духовное сокровище в Успенский собор, и заседание окончилось.

Все последующие заседания Собора происходили в патриаршей крестовой палате, и на них присутствовало только духовенство, но время этих заседаний, к сожалению, с точностью не обозначено в деяниях Собора. С третьего заседания начался суд над лицами, которые подозревались в противлении Церкви и принадлежности к расколу. И первым приглашен был и предстал пред лицо Собора епископ Вятский Александр, который потому-то как подозреваемый и не участвовал в двух предшествовавших заседаниях. Его спросили: признает ли своим писание, в котором похулил исправление святого Символа, новопечатные книги и иные чины церковные? Александр не отрекся от своего писания, но только молил удостоверить его, что новоисправленные книги и Символ чужды погрешностей. При этом, вероятно, он и представил на разрешение Собора свои вопросы, написанные еще прежде, о которых мы упоминали. Бывшие на Соборе пастыри и учителя разрешили все недоумения Александра и "изъяснили ему истину многими книгами, древними, харатейными, и твердыми доказательствами", на что, без сомнения, потребовалось немало времени. И он, просвещенный благодатию Божиею, тотчас же написал покаянный свиток и вручил Собору. В свитке этом епископ Александр сначала по примеру других архиереев высказал свое исповедание, что признает всех Восточных патриархов православными, книги их греческие, печатные и рукописные, приемлет без всякого сомнения и Московский Собор 1654 г. во всем приемлет и лобызает, а затем продолжал: "Приемлю также и лобызаю и новоисправленные книги, особенно же Символ веры, который ради удостоверения я подписал своею рукою и подаю ныне свящ. Собору; равно без всякого сомнения приемлю и о сложении перстов и прочие исправления. А что прежде сего я как человек смущался о вышеписанном, наиболее о прилагательном имени *истинного* в св. Символе, те все мои сомнения совершенно отвергаю, потому что во всем том ныне истинно уверился истинным уверением от древних рукописных книг и от греческих, особенно же в том, что св. соборная, апостольская, Восточная Церковь, мать наша, означенного прилагательного имени в Символе веры никогда не имела и не имеет. Посему отныне и я, без всякого сомнения, так держу и от сердца моего исповедую. И ради достоверного свидетельства это исповедание мое подписую моею рукою". По прочтении на Соборе свитка, поданного епископом Александром, он "абие прощения сподобися, и к тому не по мятежницех, но по истине побораше". Александр, очевидно, если восставал прежде против новопечатных книг, то по одному лишь недоразумению, а не по слепому фанатизму, не считал казавшихся ему погрешностей в этих книгах ересями и имел настолько здравого смысла и христианского смирения, что способен был понять и принять вразумления других архиереев, сознать свое заблуждение и покориться Церкви. Он подал хороший пример бывшим своим единомышленникам, среди которых пользовался уважением по самому своему сану, и некоторые из них действительно последовали его примеру, но не все.

В четвертом заседании, на котором вместе с другими русскими святителями присутствовал и Вятский епископ Александр, предстал пред лицо Собора протопоп Аввакум. Он еще прежде, недель за десять, привезен был из Мезени в Москву и после напрасных увещаний, сделанных ему Крутицким митрополитом Павлом, отослан в Пафнутиев монастырь под начало. Сюда также несколько раз присылали архиереи убеждать его, но безуспешно, и Аввакум даже написал в ответ им, как сам сознается, "с большою бранью" свою сказку. На Соборе его допрашивали о тех хулах, которые написал он на исправленный Символ веры, на троеперстие в крестном знамении, на новоисправленные книги и исправителей, и о клеветах его на московских священников, будто они не веруют во Христа вочеловечившегося, не исповедуют Его Воскресения, не исповедуют Духа Святого истинным, и пр. и пр. Аввакум вступил в состязание с отцами Собора, упорно отстаивал свои мысли, оставался глух ко всем доказательствам и убеждениям и дерзко "укори в лице весь освященный Собор, вся неправославными нарицая". Ввиду такой нераскаянности и ожесточения Собор определил лишить Аввакума священства и предать анафеме. Определение Собора исполнено 13 мая в соборной церкви Мшения Пресвятой Богородицы. Но Аввакум и при этом остался себе верен. "Власти стригли меня, - говорит он, - потом и проклинали, а я их проклинал сопротив; зело было мятежно в обедню ту тут". Далее рассказывает еще, будто за него сильно заступилась царица Марья Ильинишна пред своим супругом: "Как стригли (меня), в то время велико нестроение вверху у них бысть с царицею покойницею; она за нас стояла тогда, миленькая, напоследок и от казни отпросила меня". Лишенный сана и отлученный от Церкви, Аввакум сослан был в Угрешский монастырь и заключен здесь в темницу, в которой и содержался под стражею до сентября, а в сентябре перемещен опять в боровский Пафнутиев монастырь, где содержался прежде.

На пятом заседании Собора читана была челобитная суздальского попа Никиты "на книгу "Скрижаль" и на новоисправленные церковные книги", при чем находился и сам Никита. Во время чтения присутствовавшие замечали, что в своей челобитной Никита похулил святых отцов, Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Кирилла Александрийского, Григория Богослова, называя изречения их, приведенные в "Скрижали", еретическими; похулил патриарха Никона, утверждая, что он "совершенно оставил христианскую веру, и принял зловерие жидовское и ереси Ариеву, Несториеву, Македониеву, Диоскорову, Аполлинариеву, Маркионову, и совершенно возлюбил богоотметную ересь римскую"; похулил всех греческих патриархов, архиереев, иереев и весь греческий народ, будто бы они не имеют истинного крещения и все их священные книги полны разных ересей и повреждений, потому что печатаются в типографиях венецианской, парижской и других латинских; похулил и новоисправленные славянские книги. Когда чтение челобитной кончилось, Никиту спросили: "Твой ли это свиток?" Отвечал: "Мой". Еще спросили: "Так ли ты содержишь и веруешь, как написал в свитке?" Отвечал: "Не иначе". Тогда архиереи начали вразумлять его, объяснять и обличать его заблуждения от Божественного Писания, но Никита не хотел и слушать, говоря, что сам знает Писание лучше всех архиереев, и резко порицал их. Архиереи, не обращая

внимания на все эти нестерпимые укоризны и ругательства, не переставали убеждать и умолять его к обращению - все было напрасно. Как упорного и жестокого в своей злобе, попа Никиту, который уже около семи лет находился в запрещении, Собор определил совсем лишить священства и отлучить от Церкви. По исполнении этого приговора 10 мая в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы Никита сослан был вслед за Аввакумом в Угрешский монастырь и заключен там в темницу, но не захотел страдать, подобно Аввакуму, за свои убеждения и скоро, хотя притворно, как показали последствия, начал каяться. Уже 2 июня он заявил угрешскому игумену Викентию, приходившему испытать его в темнице, что сознает свою вину перед государем, просит прощения у священного Собора и готов во всем последовать святой соборной Церкви. А затем написал челобитную к самому государю и две челобитные, из которых одна помечена 21 июня, к священному Собору. У государя просил милости и прощения за то, что оскорбил его и подвиг на гнев своим невежеством, а перед священным Собором приносил полное покаяние и излагал свое исповедание, что признает православными всех греческих патриархов и их книги, печатные и рукописные, всех русских архиереев и самого бывшего патриарха Никона, которого прежде называл еретиком, и все новоисправленные при нем книги, которые по безумию называл никонианскою ересью; приемлет новоисправленный Символ веры, троеперстие для крестного знамения, книгу "Скрижаль" и обещается быть сыном святой Восточной Церкви, всегда единомысленным с нею. По прочтении этого исповедания на Соборе все возрадовались духом о раскаявшемся грешнике и благодарили за него Бога, но не решились тотчас разрешить Никиту и воссоединить с Церковью, а положили подвергнуть его на некоторое время искусу, чтобы удостовериться, не притворно ли он кается.

В шестое заседание Собора приведен был для допроса диакон московского Благовещенского собора Федор Иванов. Его спрашивали (II мая): признает ли греческих патриархов православными? И он отвечал: патриархи неправославны, потому что содержат обливательное крещение и сложение трех перстов для крестного знамения, как видно из "Прения" старца Арсения Суханова "с греки", и подал список этого "Прения" за своею печатью архиереям. Спрашивали потом: признает ли русских архиереев православными? Федор сказал: "Бог-де вас, архиереев, знает, потому что нудите и учите вопреки церковным догматам о св. Символе, об аллилуйе и о сложении перстов мерзко, нечестиво и хульно, по прельщению от сатаны" - и подал Собору свое письмо, в котором изложил свидетельства из книг в защиту сугубой аллилуйи, двуперстия и Символа веры до его исправления. Напрасно архиереи старались показать Федору, что все исправления в новопечатных книгах согласны с преданием святых отцов, - он еще более упорствовал и ожесточался. Через два дня (13 мая) Собор изрек свой приговор на диакона Федора о лишении его сана и отлучении от Церкви. И в тот же день Федор вместе с протопопом Аввакумом был расстрижен в соборной церкви и предан анафеме. Когда же выведен был из церкви, то, подняв руку и сложив два перста для крестного знамения, громко кричал к собравшемуся народу: "За сию истину стражду и умираю, братия, и за прочие догматы церковные". На третий день, ранним утром, повезли Федора

под охраною вооруженных стрельцов в Угрешский монастырь не прямою дорогою, а по болотам, позади также везли и Аввакума, и, привезши в монастырь, рассадили обоих в особые темницы, и сторожить их поставили стрельцов. Недели через три, сделавшись очень больным, Федор просил себе духовника. Власти приказали из Москвы исповедать его и приобщить, если покоряется Церкви. И 2 июня, когда угрешский игумен Викентий спрашивал Федора, покоряется ли он святой Церкви, он дал сказку, что винится пред государем, просит прощения у освященного Собора и дает обещание не возвращаться на прежнее, а во всем следовать святой Церкви и освященному Собору. Через несколько времени написал и послал в Москву другое такое же покаянное письмо. И 26 августа государь, обрадованный рождением ему сына, царевича Ивана Алексеевича, приказал освободить Федора и бывшего попа Никиту из темницы и привезти в Москву. А на следующий день, 27 августа, Федор дал сказку в Патриаршем приказе, что приносит Господу Богу чистое покаяние и просит у великого государя милости, а у освященного Собора прощения и разрешения, что отныне во всем повинуется этому Собору, приемлет Символ веры и верует о кресте, сложении перстов, трегубой аллилуйе и о всех церковных догматах точно так, как напечатано в "Скрижали" и новоисправленных церковных книгах, и ни в чем впредь освященному Собору прекословить не будет. Архиереи поверили раскаянию Федора и велели ему побыть на некоторое время в Покровском монастыре на Убогих "ради совершенного покаяния и исправления". Но он тайно бежал оттуда и, взяв из дому жену и детей, скрылся. Когда же услышал, что его везде прилежно разыскивают и других из-за него хватают и допрашивают, то сам явился и, забыв о своем покаянии, начал по-прежнему изрыгать хулы на Церковь и новоисправленные книги.

В седьмом своем заседании отцы Собора были свидетелями трогательного зрелища. Пред ними предстал привезенный из далеких лесов ветлужских старец Ефрем Потемкин. Его спрашивали: "Правда ли, что ты многих людей прельстил и отвлек от св. православно-кафолической Церкви; дерзаешь хулить Символ веры и все новоисправленные книги; проповедуешь пришествие антихриста, лжепророчествуешь о семилетнем голоде, превратно толкуя евангельские, апостольские и пророческие слова; называешь троеперстие в крестном знамении зловерием и уничижаешь архиерейское благословение?" Ефрем, как только услышал этот вопрос, весь затрепетал, начал горько плакать и рыдать и, обливаясь слезами, начал сам обличать свое прежнее безумие и заблуждения. Затем написал на бумаге свое покаяние и подал святителям. Здесь он заявлял, что покоряется во всем освященному Собору и верует во святую соборную и апостольскую Церковь; что прежде заблуждался "неведением книжного разума, не зная чину московских обычаев, будучи воспитан от юности в земле Польской" (оттуда же, как мы упоминали, был и старец Спиридон Потемкин, вероятно родственник, если не брат Ефрема); просил прощения, что прежде хулил безумно новоисправленные книги, Символ веры, троеперстие, проповедовал о пришествии антихриста и о семилетнем голоде, не умея истолковать пророчества Даниилова. Каялся также и просил прощения и в том, что когда был строителем в Болдине монастыре, то прочитал среди церкви в

день Пятидесятницы только одну молитву, и в том, что несколько уже лет, живя в лесу и не выходя из него, не причащался Пречистых Тайн и не имел духовника. Отцы Собора поверили искренности раскаяния старца Ефрема Потемкина, но пожелали, чтобы он объехал те места, города и веси, где прежде сеял раскол и многих прельстил, чтобы пред всеми обличил свое прежнее лжеучение и прочел свое покаянное писание везде: в Балахне, в Нижнем Новгороде, в Макарьевском желтоводском монастыре - и всех увещевал обратиться к святой православной Церкви. В спутники Ефрему в качестве свидетелей назначили старца Знаменского монастыря Филарета и диакона Василия. Мать Ефрема и сестра, бывшие старицами в Новодевичьем монастыре, подали челобитную освященному Собору, чтобы Ефрема не посылали и не подвергали такому всенародному посрамлению. Но сам Ефрем отверг эту челобитную и охотно отправился в путь с назначенными спутниками, везде читал покаянное свое воззвание и умолял всех, кого прежде прельстил, обратиться к святой православной Церкви. По возвращении в Москву ездившие с Ефремом представили Собору отчет о совершенном путешествии, и Собор, выслушав отчет, с радостью удостоверился в истинном покаянии старца Ефрема и признал его достойным прощения. В назначенный день старец прочел в соборной церкви во время литургии пред всем народом свое "покаянное писание", обливаясь слезами, и весь архиерейский Собор также всенародно изрек покаявшемуся старцу разрешение и прощение. На житье послан был Ефрем в Новоспасский монастырь.

Восьмое соборное заседание было также радостным для присутствовавших. На нем принесли покаяние один за другим два расколуучителя: старец иеромонах Бизюкова монастыря Сергей Салтыков и старец уставщик Симонова монастыря Серапион, бывший смоленский протопоп. Старец Сергей, тот самый, которого протопоп Аввакум рекомендовал царю в кандидаты архиерейства, своею волею явился на Собор и, горько рыдая о своем прегрешении, подал "покаянное писание", в котором говорил, что прежде находился в великом смущении о святом Символе веры, о сложении перстов и о прочем новоисправленном, но теперь уверился во всем из древних рукописных славянских книг, а особенно из греческих, и радостно приемлет и лобызает новоисправленный Символ и все другие исправления в церковных книгах как правые и истинные, и за это свое исповедание готов пострадать даже до смерти. Вслед за тем Сергей дал письменный ответ на те три вопроса, на которые отвечали друг пред другом на первом заседании Собора сами архиереи, т. е. что признает православными греческих патриархов, греческие книги, печатные и рукописные, и Московский Собор 1654 г. Видя непритворное раскаяние Сергея, святители простили его и разрешили и отпустили на его обещание в дорогобужский Бизюков монастырь.

Старца Серапиона, симоновского уставщика, предварительно призывал к себе 15 мая митрополит Сарский и Подонский Павел и допрашивал: когда находился в Симоновом монастыре под началом Иконийский митрополит Афанасий (выдававший себя за племянника Цареградского патриарха), спрашивал ли ты его, как у греков крестят младенцев, как читают Символ веры

и как слагают персты для крестного знамения? Серапион сказал: спрашивал, и Афанасий мне отвечал, что у них крестят чрез обливание, читают Символ, как в новоисправленных церковных книгах, и в крестном знамении употребляют троеперстие, а двумя перстами крестятся армяне. А через два дня, 17 мая, будучи позван для допроса на Собор, Серапион подал здесь следующее писание: "Святейших четырех патриархов признаю благочестивыми и православными, и веру их, и греческие книги их старые, печатные и писанные, и церковную службу, и Символ православной веры, и сложение перстов во образ Св. Троицы похваляю, и Собору властей Московского государства, митрополитов, архиепископов и епископов во всем покоряюсь и ни в чем не прекословлю. А что прежде имел под сомнением или считал неверным по своему неразумию или кого из православных христиан в чем соблазнил, во всем том каюся пред Собором и прошу прощения". Серапион был прощен, но для совершенного исправления послан в Макарьевский желтоводский монастырь.

В девятое заседание Собора читан был пред всеми свиток суздальского попа Лазаря, наполненный самыми возмутительными хулами на патриарха Никона и всех русских архиереев, на новоисправленные книги и на всю православную Церковь с ее учением и таинствами. Лазарь стоял тут же и, сколько ни старались его вразумить, обличить, убедить в истине, остался непреклонен и "не только не пришел в покаяние и не просил прощения, но весь священный Собор укори и неправославными нарече". Надобно заметить, что это заседание Собора могло происходить лишь в конце сентября или даже в октябре, потому что хотя еще 14 мая государь подписал указ пустозерскому воеводе Дикову о немедленной высылке попа Лазаря в Москву и в июле повторил этот указ, но Лазаря тогда еще не было в Пустозерске, и только 2 августа Лазарь с Мезени был доставлен в Пустозерский острог, а 31 августа отправлен отсюда в Москву. Отцы Собора, вероятно, потому, что им пришлось судить попа Лазаря так поздно, незадолго пред прибытием в Москву Восточных патриархов, не произнесли окончательного приговора по делу Лазаря, а отложили это дело на решение Восточных патриархов, ожидая, что, может быть, до того времени и сам Лазарь одумается и сознает свое заблуждение.

В десятое заседание Собора являлись на суд один за другим несколько раскольников, и прежде всех явился первый виновник раскола, старец иеромонах Григорий Неронов, бывший протопоп Казанского собора в Москве, человек непостоянный в своих религиозных убеждениях. Он уже покаялся было еще во дни патриаршества Никона и, получив прощение, убеждал даже своих единомышленников последовать его примеру. Но по оставлении Никоном кафедры снова обратился в раскол и сделался его проповедником. Теперь, призванный на суд Собора, Неронов в другой раз "отрекся от своего учения и во свидетельство истинности своего обращения дал свое рукописание" - это было 1 июля - и был опять прощен. Но, верно, не замедлил и теперь изменить своему слову и данному рукописанию, потому что 31 августа по указу государя и по приговору всего освященного Собора послан был в Иосифов волоколамский монастырь "за церковный мятеж и к освященному Собору за непокорение", и ведено было отдать его под начало старцу доброму и искусному, и "началить,

как новоначальных старцев начают, и во все дни приводить в церковь и ставить на месте, где ставят новоначальных старцев, и смотреть, чтобы в алтарь не входил, в ризы не облачался, людей не учил и не благословлял и ничего священнического не действовал, потому что он от священного Собора в запрещении".

Вслед за Нероновым предстал пред лицо Собора и называвшийся учеником Неронова старец Феоктист, бывший элатоустовский игумен. Он также подал свое покаянное писание, в котором со всею искренностью объяснял, почему доселе держался раскольнических мнений, просил прощения и уверял, что теперь уже приемлет, и лобызает, и содержит новоисправленные книги, как держит святая соборная Восточная Церковь. Отцы Собора не решились вдруг простить Феоктиста, а хотели еще испытать, и он по указу государя от 16 июля отправлен был под начало в Песношский монастырь. Но чрез несколько времени прислал оттуда к архиереям другое молебное писание, в котором умолял не сомневаться в искренности его обращения, изрекал анафему на прежнее свое мудрование и вновь просил себе прощения. Вследствие этого по указу государеву от 25 октября был вызван в Москву и, получив прощение от освященного Собора, отпущен был 5 ноября в Покровский монастырь, что на Убогих, где, "пожив нечто времени, с миром ко Господу отыде".

После Феоктиста на Соборе допрашивали (1 июля) старца Соловецкого монастыря Герасима Фирсова. И он сказал, что в Соловецком монастыре по новым Службникам доселе не служат и наречного пения не поют, потому что не было о том повеления от архимандрита; что он, Герасим, о крестном знамени держит так, как напечатано в "Скрижали", а если прежде о том соблазнялся по неведению, то просит прощения; что Символ веры исповедует, как напечатано в новоисправленных книгах. И когда Герасима спросили: истинно ли и не из страха ли только он, написавши многие письма на новоисправленные книги, так скоро обещается теперь содержать все по этим книгам, он отвечал: ей, истинно и не из страха, а на те письма обещаюсь написать обличения. И так как Собор, выслушав Герасима, не положил теперь никакого решения, то 12 июля он опять явился в заседание Собора и со слезами просил себе прощения и тогда послан был "наставления ради" в Иосифов волоколамский монастырь. В августе, 18-го числа, велено было спросить Герасима, пишет ли он обличение на свои прежние письма, как обещался пред властями. И он отвечал, что доселе еще не писал, да и книг у себя не имеет, а как получит милость от государя и прощение от освященного Собора, то не отказывается исполнить свое обещание. Но скоро Герасим тяжело заболел, и архимандрит иосифовский Савватий с братиею, донося об этом государю, спрашивал, можно ли Герасима исповедать и приобщить Святых Тайн. По решению Собора приказано было предварительно допросить Герасима, истинное ли и неложное покаяние приносит он Церкви Божией и освященному Собору, и если скажет, что истинное и неложное, то исповедать его и причастить Христовых Тайн и погребсти в Иосифовом монастыре. Указ этот был дан 21 сентября, и старец Герасим "в мире уснув и почи о Господе".

Подобным образом принесли пред Собором покаяние еще два старца: Антоний, бывший архимандрит муромского Спасского монастыря, и Авраамий, бывший строитель лысковского Покровского монастыря в Нижегородском уезде. Первый в своем покаянном свитке от 30 мая признавал себя виноватым, что писал челобитную государю и другие тетради на новоисправленные книги "от неведения и от ненаучения", и просил себе прощения и разрешения, давал обещание содержать впредь и Символ веры, и все церковные службы, и келейное правило по новоисправленным печатным книгам и уверял; что признает Восточных патриархов и всех русских архиереев православными и во всем им повинуетя. Отцы Собора послали Антония "ради совершенного исправления" в Кирилло-Белозерский монастырь. Старец Авраамий на допросе пред Собором 30 мая сказал, что служил доселе по старым Службникам, а не по новым, потому что привык служить по старым, и Символ веры читал по-прежнему, а впредь обещается содержать Символ и всякую церковную службу исправлять по новоисправленным печатным книгам, патриархов же и всех русских архиереев признает православными и во всем им повинуетя. Собор того же 30 мая послал Авраамия для исправления в Свято-Троицкую Сергиеву лавру.

В последнем, одиннадцатом, заседании отцы Собора держали между собою совет, чтобы для укрощения мятежа церковного, возбужденного раскольниками, написать "наставление благочиния церковного" и дать для руководства духовенству, а чрез него и всем мирянам. В этом наставлении отцы Собора выразили свое общее определение относительно раскола, обличением которого доселе занимались. Предварительно они кратко объяснили причину, вызвавшую их собраться на Собор, начертав следующую картину: "Многие невежды не только из простых, но и из священных лиц, одни по неведению Божественных писаний и порочной жизни, другие, по-видимому и добродетельные, но надменные самомнением и считая себя мудрыми, хотя исполнены всякого бессмыслия, трети, увлекаясь ревностью не по разуму, возмутили души многих неутвержденных иные словом, иные же и письменно. Книги печатные, исправленные при патриархе Никоне с древних греческих и русских книг, называют еретическими, самого Никона всячески злословят и хулят и весь архиерейский чин уничижают, говорят, что церкви теперь не церкви, архиереи не архиереи, священники не священники и многие другие подобные хулы. Священники вознерадели о всяком церковном благочинии и попечении, за что и отдадут ответ пред Богом, начали гнушаться новопечатных книг и не совершают по ним Божественного славословия... А многие христиане совсем отлучились от церковной молитвы, перестали ходить в церковь, лишают себя исповеди и причастия Христовых Тайн. В Москве люди, имеющие средства, держат по домам своих вдовых священников без благословения и свидетельства архиерейского, часто пришлых из других епархий, запрещенных и даже лишенных сана, чтобы только не ходить в церкви, где совершаются церковные службы по новопечатным книгам. Между многими в народе распространено мнение, будто церкви, и чины, и таинства, и последование церковное осквернены многими ересями и антихристовою скверною". Вслед за тем самое определение свое, направленное против раскола, отцы Собора

изложили в виде "заповеди" архимандритам, игуменам, протопопам, старостам поповским и вообще духовенству: а) чтобы священники учили своих детей покоряться во всем святой Восточной Церкви и совершали службы по новоисправленным Служебникам, Требникам и прочим книгам чинно и единогласно, "ибо, - говорили отцы Собора, - патриарх Никон не сам собою сотворил то, но по совету святейших патриархов греческих и по согласию русских архиереев и всего освященного Собора исправил книги с греческих и древних славянских книг, да и мы подробно испытывали ныне на Соборе наши древние рукописные славянские книги, а иные показывали и вам в патриаршей крестовой палате и не нашли в новопечатных наших книгах ничего превращенного или противного нашей православной вере"; б) чтобы просфорницы везде печатали просфоры печатью четвероконечного креста, прежние же печати у них были бы отобраны и в Москве отданы в тиунскую избу, а в прочих местах десятильникам; в) чтобы знамение креста творили на себе все тремя первыми перстами правой руки: "Тако бо имут вси народи христианстии издревле и донныне неизменно, подобно и отцы наши, и деды, и прадеды издревле, друг от друга приемлюще, тако знаменовахуся, якоже и ныне видим мужей-поселян неизменно, из древняго обычая, тако знаменующихся тремя первыми персты"; г) чтобы молитву Иисусову произносили так: "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас", как издревле употребляется она во всей Церкви, хотя не осуждаем этой молитвы и в таком виде: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас", как иногда произносят ее некоторые; д) чтобы священники и сами говорили, и людей учили говорить аллилуйю трижды, а затем "слава Тебе, Боже" по древнему обычаю святой Восточной Церкви; е) чтобы благословляли священники народ перстосложением именованным. Вместе с правилами, направленными против раскола, в наставлении, или определении. Собора изложено несколько правил относительно благоповедения духовенства и церковного благочиния, сказано, например, как хранить святое миро, как готовить и хранить Святые запасные Дары, как вести записные книги о рождающихся и сочетавающихся браком и подобное. Подлинник этого своего наставления отцы Собора подписали своими руками 2 июля 1666 г. и положили в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы в Москве, а старостам поповским дали приказ, чтобы все подведомые каждому из них священники списали для себя копию с этого наставления и держали в своих церквах. Достоинно особенного замечания, что Московский Собор 1666 г., обличавший расколоучителей и некоторых из них строго осудивший за их нестерпимые хулы на Церковь и противление ей, не изрек в своем общем определении никакого проклятия и прямого осуждения на самые старопечатные книги, ни на двуперстие в крестном знамении, ни на сугубую аллилуйю, ни на другие обряды, излюбленные раскольниками.

Повторяем: деяния Собора 1666 г., нами рассмотренные, описаны Симеоном Полоцким на основании подлинных документов, и потому описание это заслуживает полной веры. Но оно, надобно сказать, не отличается ни строгою точностию, ни полнотою. По описанию, первое заседание Собора происходило в феврале, а последнее, когда Собор подписал свое "наставление" духовенству, 2 июля. Между тем, как мы видели, заседания Собора

продолжались и около половины июля (ссылка Герасима Фирсова в Иосифов монастырь), и в конце августа (ссылка туда же Неронова), и в конце сентября (допрос попа Лазаря). Всех заседаний, или деяний, соборных было будто бы только одиннадцать, но их было больше. Например, дело благовещенского диакона Федора разбиралось не в одном заседании - шестом, но в двух - 11 и 13 мая; старец Герасим Фирсов судился также не в одном заседании - десятом, но в двух - 1 и 12 июля, и в описании этого десятого заседания соединены события, из которых одни происходили на Соборе 30 мая, а другие - 1 и 12 июля. Самый порядок соборных заседаний изложен без соблюдения хронологии. Сказано, например, что протопоп Аввакум судим был на четвертом заседании, а поп Никита на пятом, между тем Никита осужден 10 мая, а Аввакум 13 мая. Сказано, что в девятом заседании допрашивали попа Лазаря, который мог прибыть в Москву из Пустозерска не раньше конца сентября, а в десятом и одиннадцатом заседаниях происходило то, что случилось гораздо прежде, именно 30 мая и 1, 2 и 12 июля. Видно, что у Симеона Полоцкого не было под руками записей ни о днях, ни о числе соборных заседаний, и потому он старался наугад распределить находившиеся в его распоряжении достоверные известия о деяниях Собора и, за исключением двух заседаний, не обозначил в своем описании ни числа, ни даже месяца, когда каждое заседание происходило. О некоторых же соборных деяниях Симеон вовсе не упомянул: например, умолчал почти о всем, что касалось Соловецкого монастыря, сказав только о допросе одного соловецкого старца Герасима Фирсова. Между тем Собор не раз обращал свое внимание и на Соловецкий монастырь по делу о расколе.

Настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Варфоломею велено было царским указом ехать в Москву на Собор и взять с собою двух или трех старцев, искусных в Божественном Писании. В январе или в начале февраля 1666 г. Варфоломей отправился, и как братия пред его отъездом просили его бить челом государю, чтобы в Соловецкой обители дозволено было держать весь церковный чин и богослужение по-прежнему, то Варфоломей велел им написать о том челобитную и прислать к нему. Челобитная, очень короткая, немедленно была составлена и подписана братиею, а для подписи настоятеля оставлено место. Здесь соловецкие иноки говорили только, что желают соблюдать во всем предания, церковный чин и устав преподобных отцов своих Зосимы и Савватия, как соблюдалось все это доселе, и потому просят, чтобы государь не велел переменять в Соловецкой обители прежнего церковного чина и устава. Челобитная послана была 14 февраля вслед за архимандритом Варфоломеем и получена им 28 марта еще в Вологде. Но когда он прибыл в Москву и увидел, как там смотрят на противящихся новоисправленным печатным книгам, то счел за лучшее удержаться челобитную у себя и не подавать государю. На Соборе, однако ж, вероятно, узнали о челобитной или о нежелании соловецких монахов принять новопечатные книги. Сам Варфоломей был допрошен и, подобно другим, дал письменное исповедание, что признает православными Восточных патриархов, и греческие церковные книги, и Московский Собор 1654 г., приемлет книгу "Скрижаль" и Символ в его исправленном виде. Из Соловецкого монастыря потребован был царским указом на Собор старец Герасим Фирсов, как один из главных виновников противления

этой обители церковной власти. А еще до прибытия Фирсова допрошен был на Соборе 31 мая другой соловецкий старец, Игнатий, вероятно находившийся в Москве при своем настоятеле, и дал письменный ответ, что Восточных патриархов признает истинно православными, церковные книги, греческие и новоисправленные русские, во всем приемлет, равно Символ веры и сложение перстов для крестного знамения, как напечатано о том в новых печатных книгах, приемлет без всякого сомнения и прекословия. Когда же прибыл Герасим Фирсов и 1 июля дал на Соборе известное уже нам показание, что в Соловецком монастыре доселе по новоисправленным Службникам не служат и наречного пения не допускают, потому что не было повеления о том от архимандрита, и что сама челобитная написана братиею по приказанию архимандрита, и он, Герасим, приложил к ней свою руку только "страха ради", то Собор потребовал от Варфоломея объяснения по этому показанию. И он 13 июля в патриаршей крестовой палате сознался пред Собором, что действительно служил доселе в своей обители по старым Службникам, потому что всею братиею в ней еще при прежнем архимандрите Илии составлены приговоры не принимать новопечатных Службников, что пытался составить с братиею приговор о введении наречного пения в обители, но безуспешно и только потерпел от многих старцев укоризну и что действительно дозволил братии составить челобитную, но, получив ее, удержал у себя и не подавал государю, потому что "писана та челобитная не о деле". Собор потребовал именной сказки лиц, от кого в Соловецком монастыре чинится мятеж касательно наречного пения и новоисправленных книг, и Варфоломей вместо именной сказки подал Собору самую челобитную, под которою находились подписи этих лиц. Тогда Собор увидел, что в противлении участвуют более или менее все братия Соловецкого монастыря, и признал необходимым послать для вразумления их благонадежного человека и соборную грамоту. Для этого избран был архимандрит ярославского Спасского монастыря Сергей и с ним назначены были ехать поп московского Успенского собора Василий Федоров, Богоявленского монастыря иеромонах Иоасаф и иеродиакон Адриан, да патриаршие - сын боярский Григорий Черновский и подъячий Владимир Гурьев. В грамоте своей к соловецким инокам (от 11 июля) Собор писал, что посылает к ним для убеждения их архимандрита Сергея и с ним "на их сумнительные главизны свидетельства ради и краткие ответы от Божественного Писания и от правил св. отец", чтобы они удостоверились в истине и отныне без всякого прекословия повиновались святой Восточной Церкви и были в соединении с нею, а если не покорятся Церкви и останутся в своем хульном упорстве, то угрожал священным лицам лишением сана, а простым и мирянам отлучением.

Между тем, пока делались необходимые распоряжения для отправки архимандрита Сергея в Соловецкий монастырь, оттуда присланы были к государю две новые челобитные, или два доноса. Одна челобитная написана была от лица всей братии, но только частью иноков, неприязненных архимандриту Варфоломею, которые, изобразив его будто бы крайне зазорную жизнь и перечислив целый ряд его незаконных действий, просили переменить его и дать Соловецкому монастырю другого настоятеля. Эта челобитная составлена была еще в мае старцем Герасимом Фирсовым и единомышленными

ему старцами: Геннадием, Александром Стуколовым, Ефремом Каргопольцем, Ионою Брызгалом и еще немногими при участии сосланного в Соловецкий монастырь князя Михаила Васильевича Львова, но тогда была разорвана иноками, преданными архимандриту Варфоломею, как извещали его келарь Савватий и некоторые другие старцы. Теперь челобитная эта, переписанная вновь, привезена была в Москву старцем Александром Стуколовым и 8 августа подана государю. Другая челобитная написана была в июле против старца Александра Стуколова и его сообщников келарем Савватием и всею братиею Соловецкой обители. Братия жаловалась государю на соборных старцев Александра Стуколова и Геннадия да отставленного соборного старца Ефрема Каргопольца и писала: "По твоему, государь, указу сосланы к нам в монастырь в разные годы и месяцы твой государев стольник князь Михаил Васильевич Львов, да афонский архимандрит, лазутчик Феофан (самовольно посетивший патр. Никона в Воскресенском монастыре), да из Москвы козьмодемьянский поп Козьма, да из Вологды поп Сысой, ефрейторского строя ротмистр Осип Пирютин, да саввинские старцы, и многие другие старцы и мирские люди разных чинов, человек с сорок, а велено их держать в монастыре под крепким началом, и за монастырь не пускать, и чернил с бумагою им не давать. От этих-то опальных людей чинятся здесь, в монастыре, многие мятежи и многое бесчиние. А те наши старцы Александр, да Геннадий, да Ефрем живут с ними, опальными, заодно, и мятежи чинят, и воровские письма составляют, желая вредить обители". Перечислив затем несколько бесчинных и зазорных действий этой партии и особенно князя Львова, братия просили государя освободить Соловецкую обитель от таких мятежников. Государь, как только прочитал первую челобитную, передал ее архимандриту Варфоломею, чтобы он написал по ней свое объяснение. И Варфоломей 11 августа представил государю свои ответы на каждое из взведенных на него, Варфоломея, обвинений в челобитной "роспись улик" на своих доносчиков, старцев Герасима Фирсова, Геннадия, Александра Стуколова, Ефрема Каргопольца и пр., с подробным указанием бесчинств и преступлений каждого из них и свою челобитную, в которой просил, чтобы по всем обвинениям на него, Варфоломея, государь приказал произвести розыск в самой обители. Вследствие этого государь послал наказ от 14 августа архимандриту Сергию, отправлявшемуся в Соловки, чтобы он произвел там полное расследование как по челобитной, поданной некоторыми старцами на архимандрита Варфоломея, так и по челобитной самого Варфоломея на этих старцев.

В первых числах сентября архимандрит Сергей с своею свитою, в сопровождении двадцати московских стрельцов и их сотника отправился в путь, 26 сентября прибыл в Архангельск, а 4 октября - и в Соловецкий монастырь. В тот же день вся братия созваны были в главный храм и им прочитаны были сперва царский указ, потом грамота и наказ освященного Собора. По окончании чтения тотчас раздались крики: "Мы указу великого государя послушны и во всем ему повинuemся, а повеления о Символе веры, о сложении трех перстов для крестного знамения, о трегубой аллилуйе, о молитве "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас" и о новоисправленных печатных книгах не приемлем, и слышать не хотим, и готовы все пострадать единодушно". При этом

бывший архимандрит Саввы Сторожевского монастыря Никанор, подняв высоко свою руку и сложив три первые перста, с большим гневом начал говорить: "То-де учение, что велят креститься тремя перстами, есть предание латинское, печать антихристова; я за всех вас готов ехать в Москву и пострадать". Следует заметить, что Никанор был постриженник Соловецкого монастыря и до 1653 г. состоял строителем Соловецкого подворья в Вологде. В этом году избран и поставлен в архимандрита Саввино-Сторожевского монастыря, наиболее любимого царем Алексеем Михайловичем, и сделался весьма близким к нему человеком. Но около 1659 г. почему-то просился и уволен на покой в место своего пострижения, в Соловецкий монастырь. Здесь обнаружилось, что Никанор принадлежал к числу противников новоисправленных печатных книг: он вел переписку с протопопом Аввакумом, и Аввакум в своей известной челобитной рекомендовал его царю как одного из достойных для занятия архиерейской кафедры. Впрочем, до настоящего времени живя в Соловецком монастыре, Никанор ничем не выделялся среди других иноков, ревнителей старого обряда, и только теперь выступил в качестве их главного предводителя. Когда братия услышала слова Никанора, что он готов за всех их ехать в Москву и пострадать, то начали кричать: "Мы все единодушно готовы пострадать, а новой веры, и учения, и книг отнюдь не примем". Поднялся общий шум, раздались неистовые крики и бранные слова. Архимандрит с товарищами едва уговорил шумевших, чтобы они выбрали из среды своей двух или трех, с кем бы можно было благочинно беседовать о деле, и братия указали на черного попа Геронтия. Геронтий, тотчас же приведя слова молитвы "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас", спросил Сергия: "За что вы отъемлете из сей молитвы *Сына Божия*?" И все закричали: "Ох, горе нам, отнимают у нас Сына Божия! И где вы девали имя Сына Божия?" Потом Геронтий спрашивал: "Зачем вы велите говорить аллилуйя трижды и четвертое - слава Тебе, Боже? В житии св. Евфросина Псковского не велено говорить аллилуйю трижды". И, став высоко на стуле, начал читать всем это житие, и возбудил шум и крики еще больше прежнего. Что ни говорил Сергей в ответ на предложенные вопросы и для вразумления заблуждавшихся, его слов никто не хотел и слушать. Ввиду такого упорства Сергей и его товарищи стали спрашивать соловецких иноков: "Царь государь православен ли и благочестив?" Отвечали: "Православен и благочестив". - "А повеления его и грамоты, которые с нами к вам присланы, православны?" На этот вопрос отвечали молчанием. Еще спросили: "Восточные патриархи и русские архиереи со всем освященным Собором православны ли?" "Патриархи прежде были православны, а ныне Бог их весть, потому что живут в неволе, а русские архиереи со всем Собором православны". - "А соборное повеление их, с нами к вам присланное, как вы считаете?" - "Повеления их не хулим, а новых веры и учения не принимаем, держимся предания св. чудотворцев и за их предание хотим все умереть охотно". Тогда Сергей, показывая присланную с ним следованную Псалтирь преподобного Зосимы чудотворца, спросил: "Вашей ли, обители эта книга и признаете ли ее честною и святою?" Отвечали: "Мы слышали про ту книгу, но кто приписал ее преп. Зосиме и совершал ли чудотворец Зосима по ней правило, не ведаем". Сергию поручено было обозреть по грамоте Новгородского

митрополита Питирима соловецкую библиотеку и взять из нее под расписку книги, какие окажутся годными для Собора. Сергия в библиотеку не пустили и древних книг ему не показали. Вообще, к архимандриту Сергию и его товарищам в Соловецком монастыре отнеслись недоверчиво и неприязненно. Главное лицо в обители после настоятеля, келарь Савватий Обрютин, преданный архимандриту Варфоломею и несколько обуздывавший своевольных и мятежных между братиею, был сменен ими самоуправно еще до приезда Сергия, и на место Савватия они успели возвести своего единомышленника безграмотного чернеца Азарию. Для помещения Сергия и его свиты отвели только две небольшие кельи и приставили к ним свои караулы, мирских людей с бердышами и палками. Сергей, приступая к выполнению другого возложенного на него поручения - к производству следствия по известным челобитным, просил келаря и соборных старцев дать ему именной список всей братии и мирян, живущих в обители, - списка ему не дали. Просил дать келью какую-либо, куда бы он мог приглашать свидетелей для допросов, - и кельи ему не дали. Потому он созвал всю братию в соборную церковь и спрашивал: писали ли они к государю челобитную на своего архимандрита Варфоломея, и они отвечали, что не писали и писать не приказывали, а она написана без братского совета, воровски немногими лицами. Октября 6-го дня братия подали архимандриту Сергию за своими подписями сказку, в которое заявляли, что того "предания по новым книгам", по которому он прислан по указу государя и уложению освященного Собора учить их, они принять не могут; что царю государю они во всем повинуются, ни в чем не противятся, за него молятся, но желают держаться прежнего предания святых отцов, и то не по упрямству и не по противлению власти, а боясь Страшного суда Божия, и потому просят милости государя, чтобы он позволил им оставаться в прежнем благочестии, в котором проводили дни святые чудотворцы Соловецкие. Затем, 12 октября, по отъезде архимандрита Сергия из обители братия послали государю три челобитные. В одной прямо просили государя, чтобы не велел принуждать их к принятию новых книг, а позволил бы соблюдать в Соловецкой обители прежний церковный чин и устав преподобных Зосимы, Савватия и Германа. Во второй, более обширной, сначала излагали основания, почему не могут принять новых книг, ни троеперстия, ни трегубой аллилуйи, ни четвероконечного креста, а потом усиленно повторяли ту же самую свою просьбу. В третьей челобитной жаловались на архимандрита Сергия: он будто бы только спрашивал их, писали ли они челобитную на своего настоятеля Варфоломея, а самой челобитной наперед не прочел им, и они сказали, что не знают ее; когда же он прочел челобитную, то они увидели, что в ней про Варфоломея написано много правды, и хотели каждый в подтверждение того дать свои сказки, но Сергей поспешил уехать из монастыря и сказок не взял. В заключение просили государя, чтобы он взял от них Варфоломея и дал им настоятелем бывшего саввинского архимандрита Никанора или кого другого по их выбору. Нет сомнения, что все эти челобитные могли дойти до государя, равно и архимандрит Сергей мог возвратиться в Москву, отнюдь не прежде ноября, когда в нее уже прибыли Восточные патриархи и Собор русских архиереев,

доселе рассматривавший дела о расколе, прекратил свои занятия в ожидании нового, большого Собора.

К чести Московского Собора 1666 г. должно сказать: он не ограничился тем, что допрашивал расколоучителей, а обличал их, вразумлял, убеждал обратиться к Церкви, нередко выслушивая и обсуждая самые их сочинения, и признал нужным составить для верующих особую книгу и в ней опровергнуть все главные основания раскола, как они изложены были в двух наиболее обширных раскольнических сочинениях того времени: в челобитной попа Никиты и в свитке попа Лазаря. Написать опровержения на челобитную Никиты и заключающиеся в ней возражения против новоисправленных печатных книг царь и Собор поручили славившемуся своею ученостию Паисию Лигариду. К сожалению, Лигарид не знал русского языка и не мог прочитать в подлиннике челобитную Никиты, вникнуть в ее подробности. Нужно было перевести для Лигарида челобитную на греческий или латинский язык, и она была переведена для него, вероятно, не в целости, а только в сокращении, судя по тому, что возражения из челобитной приводятся Лигаридом не подлинными ее словами, а большею частию в сокращении. Он написал довольно большое сочинение и поместил в нем 31 "отражение" на такое же число взятых из челобитной возражений. Но "отражения" Паисия страдали, так сказать, общностию: в каждом возражении он рассматривал и опровергал преимущественно общую мысль возражения, не обращая внимания на частности и на своеобразное раскрытие их в челобитной Никиты. И потому когда "отражения" эти, писанные на латинском языке, были переведены на русский язык Симеоном Полоцким, то оказалось, что они при всех достоинствах не могут быть признаны достаточными для цели. По крайней мере Собор не остановился на сочинении Паисия, а поручил составить другое сочинение на челобитную Никиты и вместе на свиток попа Лазаря Симеону Полоцкому; это поручение, как можно догадываться, было сделано Собором 7 мая. И Симеон, по его собственному свидетельству, начал свой труд 18 мая, а окончил 13 июля, т. е. менее чем в два месяца, хотя труд был очень значительный. Сочинение свое Симеон разделил на две части: в первой изложил 30 "возобличений" на "Никитины обличения", а во второй 70 "возобличений" на "обличения" попа Лазаря. В первой части Симеон несомненно воспользовался сочинением Лигарида, позаимствовав оттуда многое в сокращении, но еще более поместил и от себя и изложил совершенно самостоятельно. Вторая же часть составлена вся самим Симеоном. Книгу Полоцкого тщательно рассматривал Собор и признал настолько удовлетворительною, что положил издать ее от своего имени, как бы свое собственное сочинение, под заглавием "Жезл правления, утверждения, наказания и казнения, сооруженный от всего освященного Собора... в лето 7174, месяца мая, в 7-й день". Издана, впрочем, была эта книга не так скоро, уже по благословению святейших патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, и первые экземпляры ее по выходе из типографии были поднесены царю и патриархам только 10 июля 1667 г.